

«ТРИЛОГИЯ АЛОЙ ЗИМЫ» КНИГА ТРЕТЬЯ

БЕССМЕРТНЫЙ ОГОНЬ

АННЕТТ МАРИ

Алая зима

Аннетт Мари

Бессмертный огонь

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(4Coe)-445

Мари А.

Бессмертный огонь / А. Мари — «Издательство АСТ»,
2017 — (Алая зима)

ISBN 978-5-17-114130-1

Когда-то Эми верила, что небесные боги справедливы и мудры, а земные духи-ёкаи – кровожадны и злы. Но теперь, когда вероломное божество готовится уничтожить ее мир, а единственной защитой человечества становятся ёкаи, сквозь пелену лжи, которой Эми окутывали с самого детства, проступает куда более жуткая реальность. Невзирая на нависшую угрозу, Эми не в силах сосредоточиться: ее мысли занимает Широ, ёкай-лис, столь умело и ловко завоевавший ее сердце. Уже скоро – слишком скоро – ей придется разрушить проклятие, что сковывает его чары и воспоминания. И как только в нем пробудится древняя мощь, ёкай, в которого Эми влюблена, изменится навсегда. И пока земные божества готовятся к сражению с небесами, Эми и Широ должны рискнуть всем, дабы одолеть бессмертных, всемогущих врагов. Вместе они найдут способ спасти мир – даже если это означает, что им придется потерять друг друга.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(4Coe)-445

ISBN 978-5-17-114130-1

© Мари А., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	46
Глава 9	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Аннетт Мари

Бессмертный огонь

Annette Marie
IMMORTAL FIRE

Печатается с разрешения литературных агентств Bookcase Literary Agency и Andrew Nurnberg.

Иллюстрации Бриттани Джексон
Обложка Midnight Whimsy Designs
www.midnightwhimsydesigns.com

Copyright © 2017. Dark Tempest by Annette Marie.
The moral rights of the author have been asserted.

© К. Г. Гусакова, перевод на русский язык, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Дорогие читатели!

*Трилогия «Алая зима» вдохновлена богатой мифологией Японии.
И пусть мир на этих страницах основан на культуре уникальной, манящей и вполне
реальной страны, все же во многом он – творение моего воображения.
Надеюсь, история вам понравится!*

Аннетт Мари

ПРИМЕЧАНИЕ ОБ ИМЕНАХ

В конце книги расположен полный глоссарий имен и понятий с определениями.

НЕБЕСНЫЕ АМАЦУКАМИ

ЗЕМНЫЕ КУНИЦУКАМИ

Глава 1

За окном кружил снег, падая с неба мерцающей занавесью. Землю укутывала тишина, двор безмолвствовал, а комнату заполняло тепло и мягкое, безмятежное сияние углей жаровни.

Эми хотела бы насладиться мирным вечером, однако ее не оставляло беспокойство. Она выбрала из лежащих на столе предметов моток белой ткани.

На полу перед ней сидел Юмэй. Его обнаженный торс красочно повествовал о пережитой битве. От вида рваных ран, которые остались после драконьих когтей, и темнеющих на коже синяков Эми мутило. Подобные травмы приковали бы обычного человека к больничной койке, но ёкаи куда крепче. А Юмэй, ёкай-ворон, известный большинству как Тэнгу, а избранным – как Принц теней, крепче многих.

Эми прижала к его плечу край бинта. Она успела уже дважды уронить моток и начать заново, когда натяжение ослабевало. Юмэй терпеливо ждал и молчал – что было удивительно, при его-то раздражительной натуре.

Теперь, уже гораздо увереннее, Эми наложила повязку на багрово-фиолетовые кровоподтеки и четыре глубоких пореза на ребрах, а затем закрепила бинт. Касаться Юмэя было странно. В отличие от Широ, который часто нарочно лез в ее личное пространство, Тэнгу редко допускал какой бы то ни было физический контакт. Однако, как только первоначальное смущение отступило, Эми вдруг ощутила, что они все же немного сблизились – то ли ей стало рядом с ним спокойнее, то ли это Юмэй при ней стал более расслаблен.

Когда она взяла новый моток, Юмэй вытянул руку, и Эми принялась накладывать бинт от плеча до локтя, где красовались наполовину зажившие следы клыков Орочи. Попутно она вела сама с собой мысленный спор: действительно ли ей так хочется испытывать его терпение?..

– Как ты себя чувствуешь? – тихонько спросила Эми.

Юмэй перевел на нее взгляд. Его светло-серебряные глаза, видевшие и скрывавшие так много, всегда ее пугали.

– Прекрасно.

Единственное слово, скупое и раздраженное, как она и ожидала. Гордому Тэнгу было нелегко принять помощь или даже позволить Эми увидеть его ранения. Юмэй бы предпочел никому не показывать, что его сила под сомнением, не говоря уже о том, чтобы это обсуждать.

Эми обернула его руку бинтом несколько раз.

– Достаточно ли быстро ты восстанавливаешься? Я могу сделать что-нибудь еще?

– Нет, – отрезал Юмэй.

Она закрепила бинт, ничуть не удивленная тем, что ей так и не удалось ничего разузнать.

– Ты исцеляешься куда медленнее Сусаноо. Почему?

Сусаноо ушел днем. Его ранения были столь же серьезны, однако оправился он гораздо быстрее. К тому времени, как он покинул постоянный двор, от прежде глубоких рубцов остались лишь розовые следы на коже. Поэтому Эми и беспокоилась о состоянии Юмэя.

Тэнгу высвободил руку и оторвал излишек бинта зубами, на миг показав острые клыки, а потом бросил его на стол.

– Я не куницуками.

Немногословный ответ ее опечалил. Эми прекрасно знала, что Юмэй и Сусаноо не равны. Сусаноо – отнюдь не простой ёкай. Он – куницуками бури, один из четырех земных богов, правящих ёкаями.

Эми посмотрела на дальний конец комнаты, где на узком футоне среди одеял виднелась белая макушка и пара лисьих ушей. Вообще-то Широ тоже куницуками, однако его силу и воспоминания сковывало проклятие, поэтому он вовсе не источал ауру существа столь древнего,

как Сусаноо и Юмэй. Впрочем, дремлющее в Широ бессмертное божество порой проглядывало наружу, и эти проблески его истинной сути немало пугали.

Вновь сосредоточившись на Юмэе, Эми протянула к нему руку. Тэнгу уставился на нее – в его взгляде читалось явное предупреждение, что продолжать расспросы не стоит, – а затем все же протянул второе запястье в ответ. Взяв обрывок бинта, Эми перевязала раны от клыков на его предплечье.

– Исцеление идет медленно потому, что ты слишком долго вдали от дома? – Эми сжала его запястье крепче. – Тебе нужно вернуться?

Юмэй, будучи намного сильнее, с легкостью высвободился из ее хватки.

– В том, чтобы отправиться домой на несколько дней и восстановиться, нет ничего постыдного, – настойчиво продолжила Эми. – Если там сила вернется к тебе быстрее, стоит так и поступить.

Его взгляд стал ледяным, и она съежилась. С горделивыми мужчинами всегда сложно – что уж говорить о ёкаях, которые пестовали самолюбие целыми столетиями.

– А ты совсем не умеешь останавливаться, – донеслось с другого конца комнаты сонное бормотание. – Верно, малышка-мико?

Широ зевнул во весь рот, прижав лисьи уши к голове, и сел.

– Ты, – ткнул он пальцем в Юмэя, – молчи. Она просто за тебя переживает. А ты, – теперь палец указывал на Эми, – перестань ему докучать. Если бы ему было нужно вернуться, он бы уже это сделал.

– Я ему не докучала, – проямлила Эми.

– Ты раздражаешь не хуже кичунэ, – сообщил ей Юмэй, поднимаясь на ноги.

Затем он надел свое черное косодэ, направился к выходу и с резким щелчком задвинул за собой дверь. Может, Эми все-таки показалось, и его отношение к ней не улучшилось?

Фыркнув, Широ повалился обратно на фuton и прикрыл лицо рукой от тусклого света.

– Может, это и весело, но тебе все же не стоит его дразнить.

– Я и не пыталась. – Эми выстроила содержимое аптечки в ряд, силясь сдержать смущение. – Ты сам говорил, что вдали от своих гор он слабеет.

– И он знает это лучше всех. Не нужно ему напоминать.

– Тогда почему он не отправится домой?

– Нет необходимости. Даже раненым он легко справится с большинством противников.

– А как же те, с кем не справится?

– Если явятся Изанами, уйдем мы от нее живыми или нет, решит присутствие Юмэя, поэтому никуда он не отправится. – Широ приподнял руку и ухмыльнулся, заведя тревогу на лице Эми. – Но переживать, впрочем, не стоит: ками все равно не могут войти в Цучи.

От одного упоминания Изанами, амацуками земли, не раз пытавшейся ее убить, кровь Эми застыла в жилах.

– И тем не менее, здесь не очень-то безопасно, – заметила она. – Мы слишком близко к месту, где Сусаноо был в плену.

– Поэтому нам надо убраться отсюда, как только он вернется. – Широ снова зевнул. – Это, как он говорил, произойдет послезавтра.

Так как Юмэй еще не восстановился, и на это требовалась еще пара дней, Сусаноо отправился куда-то по делам куницуками. Спустя пять лет в заключении он, наверное, стремился возвратиться к прежней жизни.

Что касается Эми, если она и собиралась удариться в панику, то причиной этому была бы их следующая задача. Совсем скоро они направятся на восток, к островам Сабутэн, где Сарутахико, куницуками гор, томился в плену под надзором Цукиёми. Эми не знала, считать ли амацуками воды настоящим врагом. Могла ли Изанами обвести вокруг пальца и его, как многих других?

Четверо амацуками, повелители ками, должны были поддерживать Эми. Дабы ступить на землю из небесного царства, они нуждались в смертном теле, коим и являлась Эми – ками-кагари, которой суждено вместить дух Аматаэрасу, амацуками ветра.

И вскоре ей предстояло исполнить свое предназначение ценой собственной жизни.

Когда Аматаэрасу низойдет к ней, ее разум и душу поглотит божественная сила. Эми исчезнет, амацуками останется жить в ее теле. Судьба настигнет девушку во время зимнего солнцестояния, через каких-то двадцать три дня.

Эми прогнала эту мысль прежде, чем тревога успела разыгаться еще сильнее. Взяв свежий моток бинтов, она встала и подошла к футону Широ.

– Раз уж ты проснулся, – она опустила рядом с ним на колени, – я могу перевязать и тебя.

Широ сонно глянул на нее из-под руки.

– Я в порядке.

– Значит, ты не против, что я осматрю рану, – любезно заключила Эми, взявшись за его запястье прямо над витком блестящих бусин – проклятых онэнджу, что сковывали силу и память ёкая.

Широ душераздирающе вздохнул и позволил ей положить захваченную руку на свои колени. Эми сняла бинт и обнаружила, что от рубца остался лишь красный след, который уже не нужно промывать. Как, наверное, и бинтовать снова, но раз уж она так настаивала на проверке, пришлось упрямо наложить свежую повязку.

Закончив, Эми провела пальцами по гладким бусинам онэнджу. Она все еще не была готова снять последний виток – ведь неудача могла привести к смерти Широ, – но время, когда это станет необходимо, неумолимо приближалось. Как скоро вернутся его утерянные воспоминания после освобождения от проклятия? И как скоро они его изменят?

Пальцы Эми скользнули на тыльную сторону его ладони, к алому символу, схожему с отметинами на лице ёкая. Широ лежал с расслабленным видом и закрытыми глазами, подложив вторую руку под голову. Неужели опять заснул, пока Эми его перевязывала?

– Широ? – Она наклонилась ближе, продолжая держать его теплую руку на коленях. – Широ, ты спишь?

Лисье ухо дернулось в ее сторону. Не зная наверняка, притворяется он или нет, Эми мягко потянула за кончик.

Широ тут же заворчал и высвободил ухо из ее пальцев, а потом и вовсе отвернулся. Значит, заснул. За последние четыре дня он много спал, и Эми подозревала, что такая усталость навалилась на него после того, как она сняла предпоследний виток онэнджу, – как и после битвы с восьмиглавым драконом Орочи. Широ было нужно восстановить немало ки – жизненной силы, источника магии.

Эми окинула взглядом пустую комнату. Они остались одни. С тех пор, как закончилась битва, Юмэй или Сусаноо, а то и оба, проводили здесь почти все время, не давая им с Широ уединиться. Эми, правда, не знала, поступали они так намеренно или же случайно.

Ее сердце забилося чаще, и она снова погладила шелковистый мех лисьего уха. Широ дернул им и глубоко вздохнул, просыпаясь. Его глаза, блестящие, словно рубины, подернутые туманом сна, медленно открылись.

«Что бы со мной ни приключилось, сильнее всего я боюсь потерять тебя».

Воспоминание о словах, которые он прошептал, окутало ее шелковыми оковами. Взгляд Широ сфокусировался, как всегда поймал Эми в свою ловушку, и в ее сердце пробралась печаль. Его величайший страх – ее потерять, а ведь это неизбежно произойдет. Через три недели Эми исчезнет.

«Инари тысячелетиями был один».

Слова Изанами полоснули, словно нож. Когда она умрет, Широ вновь ждет вечность одиночества. Что, если он больше никого не полюбит? Что, если он не сможет любить, когда вернутся воспоминания? Что, если Широ останется одинок навсегда, не найдя избавления даже в смерти?

Он сдвинул брови, а затем легонько провел большим пальцем по ее щеке. За касанием протянулся влажный след, и Эми вдруг поняла, что Широ стер слезу.

– Эми, – тихо произнес он, – что случилось?

– Ничего, – быстро ответила она, пытаясь взять себя в руки.

– Лжешь, малышка-мико. – Широ приподнялся на локте. – Скажи мне, что случилось.

– Ничего не случилось. Просто...

Дверь отъехала в сторону. Эми невольно отпрянула от руки Широ. Первым в комнату скользнул Юмэй, за ним внутрь просеменил хозяин постоянного двора – странный, похожий на мальчишку ёкай с единственным глазом посреди лба, – нагруженный полным еды подносом. Ёкай отвесил в сторону Эми полупоклон, опустил свою ношу на низкий столик и удалился.

Как только дверь вновь закрылась, Широ сел, пристально глядя на Эми. Она – сверкая улыбкой, но не глядя на ёкаев – поспешно встала и поправила персиковое кимоно.

– Я пойду в купальни, – сообщила Эми. – Приятного аппетита.

И прежде, чем кто-нибудь успел возразить, метнулась к выходу.

– Эми...

Не обращая внимания на оклик Широ, Эми закрыла за собой дверь. За крытым деревянным настилом плясал снег, прохладный ветерок щекотал кожу. Эми сдержала дрожь, гневно потерла предавшие ее глаза и пошла прочь, надеясь оставить позади печаль из-за судьбы, которую была не в силах изменить.

Глава 2

Аджисай нельзя было назвать роскошным, однако к его горячим источникам Эми не имела никаких претензий. Она прислонилась к каменному бортику; ее лицо омывал пар, а едва ли не обжигающая вода прогоняла из мышц напряжение. За стеной из естественной породы и занавесью снега, растворяясь в темноте, вздымалась гора. В ясный день на горизонте виднелись и другие вершины.

Этот постоялый двор – одно из нескольких мест в Цучи, царстве ёкаев, где Эми довелось побывать. Больше всего ей пришлось по душе жилище Юмэя на огромном дубе, в котором она пару недель назад восстанавливала силы. Несмотря на тесноту и странную коллекцию разнообразных вещиц, там ей было уютно – пусть ёкаи-вороны и не сводили с нее глаз, словно она особенно вкусное запретное угощение.

По крайней мере, карасу не стали бы на нее нападать. Однако сказать такое о ёкаях на постоялом дворе Эми не могла. К счастью, этими вечерами купальни пустовали.

Поправив полотенце на волосах, она опустила ниже – так, что вода коснулась ее шеи. На щеках прохладными точками таяли снежинки. Что, если она в последний раз на горячих источниках? В последний раз съела свою любимую рыбу в кляре? В последний раз увидела прекрасный танец снежинок?

Что, если их с Широ последний поцелуй уже случился?..

Вопрос разметал ее мысли, и она коснулась воды подбородком. С тех пор, как Эми поцеловала Широ у сада, в снегу, прошло всего четыре дня – всего четыре дня, как она поняла, что влюблена в него.

Эми запрокинула голову. Она влюблена в ёкая... который, вдобавок, еще и кунцуками. Он бессмертен, хоть и не помнит свое прошлое. Ей оставалось лишь несколько недель, а он мог жить вечно. Любовь между ними невозможна, обречена на трагический конец. И Широ останется со своей скорбью один на один.

Мысль об этом раздирала Эми изнутри. Именно эта боль и заставила ее сбежать из комнаты. Зачем напоминать Широ о неизбежном?

Скоро – возможно, даже прежде, чем она исчезнет, – вернутся его воспоминания, и место Широ займет Инари, стерея ее игривого кунцунэ. Амаэрасу показала ей Инари из прошлого. Пусть они с Широ и были во многом схожи, в озорстве Инари проскальзывали острые грани, в улыбке читалась хищность. И под всем этим скрывалось ожесточенное сердце изо льда, совсем не подходящее богу огня.

Эми провела пальцами по воде и шумно выдохнула. Лишь мельком увидев Инари, она сделала о нем массу выводов, однако все еще была уверена: он не станет испытывать к ней те же чувства, что и Широ. Это немного утешало: даже если Широ и будет горевать о ее утрате, то Инари – нет. Как столь древнее бессмертное существо вообще могло полюбить человека?

Поникнув, она опустила голову на каменный бортик. Осталось три недели. Прежде, чем мысли неминуемо обрели еще более мрачный характер, Эми очистила разум. Впервые за долго время она погрузилась в привычное медитативное состояние, которое отработывала с детства. Мысли утихли, сердце замедлило бег, и она расслабилась.

Раздался громкий всплеск – и Эми подскочила на месте, распахнув глаза.

На ступенях стояла обнаженная женщина. Она мигнула большими золотистыми глазами и наострила пепельно-каштановые ушки, торчащие из ниспадающих до плеч волос. За ее спиной дернулась длинный пушистый хвост.

Отпрянув, Эми съежилась и поспешно прикрыла метку камигакари ладонями. Именно эта женщина-ёкай обсуждала с подругами, не отдать ли Эми в обмен на награду, и происходило сие ровно в той же купальне.

– Ого! – воскликнула женщина, спускаясь по ступеням в воду. – Неужели это наша милашка окини? Я-то думала, ты давным-давно покинула двор.

Эми закусила губу, не зная, что делать. Лучше всего, наверное, было сбежать.

Женщина усмехнулась, сверкнув острыми зубами.

– Не бойся. Слышала, что стряслось с ямачичи за попытку тебя выдать. Не так уж сильно я хочу ту награду.

После того, как Эми первый раз посетила купальни, двое ёкаев заманили ее в ловушку, после чего Широ сжег заводилу живьем. Эми и не подозревала, что об этом прознали и другие постояльцы Аджисая. Может, Широ разнес весть, чтобы отпугнуть остальных ёкаев?

Женщина плавно прошла вперед и, к досаде Эми, опустилась рядом с ней.

– Я – Каори, бакэнэко, если ты еще не догадалась.

Эми отодвинулась, поглядывая на выход.

– А тебя как звать? – поинтересовалась Каори, не обращая внимания на ее беспокойство.

– Эми, – пробормотала та. – Мне уже пора.

– Почему? Разве я не сказала, что не обижу тебя? – бакэнэко откинулась назад. – Ах, до чего замечательно! Я здесь последнюю ночь, вот и захотела спокойненько отмокнуть в водичке. Норико и Акэми трещат без умолку, пришлось ждать, пока они уснут.

Эми опустилась ниже, чтобы скрыть метку камигакари. Каори же свободно раскинулась, устроив голову на каменном бортике и разведя кошачьи уши.

– Ита-а-ак, – протянула она, – где же дайтэнгу и этот твой прелестный кицунэ?

Заслышав, как Широ называли «прелестным», Эми вдруг залилась краской – особенно потому, что сама считала его именно таким. «Дайтэнгу» Каори именovala Юмэя, не подозревая, что когда-то именно он командовал военачальниками-дайтэнгу.

– У них полуночный ужин, – осторожно ответила Эми.

– Пф-ф, мужчины. Вечно едят. – Каори лениво улыбнулась. – И как тебя угораздило спутаться с этими двумя?

– Долгая история, – пробормотала Эми, а потом решила отвлечь бакэнэко собственными вопросами, чтобы та не успела выведать слишком много. – А что тебя привело сюда, на постоялый двор?

– Романтика, – Каори наигранно вздохнула. – Ну, не совсем. Акэми приглянулся шиджин-тигр, и когда она услышала, что он здесь, мы сорвались в путешествие.

– Шиджин-тигр? – непонимающе повторила Эми. – Погоди... ты про Бьякко?

Бьякко, белый тигр-ёкай, властвующий над ветром, помог им в битве с Орочи.

– Он самый. Несколько лет назад шиджин потерял свою пару, и Акэми хочет привлечь его внимание. – Каори пожала плечами. – Впрочем, он пробыл тут совсем немного. Акэми надеется, что он вернется, но я все равно завтра ухожу.

Эми преисполнилась боли и сочувствия к Бьякко.

– А ёкаи... ёкаи часто заводят себе... пару?

Каори бросила на нее косой взгляд.

– Зависит от того, что ты подразумеваешь под «парой». Некоторые ёкаи выбирают спутников на всю жизнь. Другим вполне достаточно время от времени порезвиться, если уж припечет. Я вот предпочитаю именно это, а не чушь про связь навеки.

– Ох.

– И, конечно, многие предпочитают жить уединенно. Некоторые, впрочем, просто созданы для вечной связи, особенно такие сильные, как шиджин-тигр.

– Да? – выдавила Эми, вновь думая о Широ.

– Ну, это ведь логично, знаешь ли. Сила делает изгоем. Так что когда они находят подходящего, то не хотят его отпускать. – Каори закатила глаза. – Но попробуй-ка объяснить Акэми,

что шиджин будет ждать, когда возродится его пара – и пусть пройдет хоть вечность. Не-е-ет, она уверена, что сумеет его завоевать. Смешно.

Эми машинально кивнула – ее мысли по-прежнему занимал Широ. Сможет ли он ее отпустить, когда она умрет? Вероятно, она слишком уж переоценивает свою значимость.

– А как... – Эми помедлила. – А как именно понимать слово «окини»?

Так ее называла Каори и остальные бакэнэко. Само по себе оно означало «любимец» или «питомец», но Эми не совсем улавливала, где тут связь с ней.

Женщина-ёкай вскинула брови:

– Ах, ну-ну. Даже не мечтай, девочка. Ты всего лишь человек.

– О чем ты? – растерялась Эми.

– Окини – это питомец. Иногда человек, иногда ёкай послабее, но не пара. И близко не пара. – Каори пригрозила пальцем. – Если думаешь, что один из них от тебя без ума, то тебе это только кажется. Ёкай может полюбить окини, но в итоге все эти чувства исключительно поверхностны.

– Я просто... – Эми умолкла, вспыхнув.

Плеснув на нее горячей водой, Каори закинула вытянутые руки за голову.

– Какие возвышенные мысли для смертной девушки! Ты и правда не понимаешь, да? Ёкаи держат окини по трем причинам, – Бакэнэко отогнула один палец: – Для развлечения. – Затем она отогнула второй: – В качестве слуги. – И, наконец, третий: – Как запасной источник ки. В общем, не знаю, что ты там себе надумала, но если начнешь слишком уж задаваться, он просто-напросто убьет тебя и найдет девчонку покорнее.

Каори вновь откинулась спиной на каменный бортик, ничуть не смущенная разговором о вроде как рабстве собеседницы.

– Надеюсь, ты не пошла на это добровольно, потому что тогда тебя явно ввели в заблуждение.

– Не все ёкаи такие, – пробормотала Эми.

Каори фыркнула.

– О, такие-такие. И кто бы из двух красавцев ни использовал тебя для удовлетворения своих потребностей, внушив все эти миленькие мысли о любви... ну, тебя ждет жестокое прозрение. Можешь, конечно, мне не верить.

Эми вскочила, прикрывая ладонью метку камигакари и омамори – талисман, который прятал от ёкаев ки, пропитанную силой ками. Скованно поклонившись на прощание, она развернулась к ступеням.

– Ах, ну чего ты. – Каори схватила ее за руку, дернула обратно вниз и подалась ближе. – Погоди, милая окини. Я, так уж и быть, спасу тебя от ненужных страданий.

– Отпусти!

– Посмотри-ка на дверь. Что видишь?

Эми взглянула на порог раздевалки – и ничего не заметила. А затем воздух странно замерцал. Эми сощурилась. У двери медленно, словно нехотя, проступила слабая тень.

У порога, сгорбившись, сидел ребенок – малышка в симпатичном голубом кимоно с узором из рыб кои. Вот только ее длинные волосы свисали спутанными прядями, черные на фоне болезненно бледной кожи, а сама девочка глядела в пустоту, приоткрыв ротик. Сколько бы Эми ни смотрела, дитя оставалось полупрозрачным, и сквозь него виднелась деревянная стена.

– Канашибари, – шепнула Каори, – сидит тут же давненько и наверняка ждет, когда ты останешься одна. Человек – легкая добыча.

Эми насилу оторвала перепуганный взгляд от призрачной девочки. Каори тем временем отстранилась.

– Кто она?..

– Ёкай, дух. Канашибари сплетают сны, и пусть сами по себе они слабы, все обходят их стороной. Вот такая канашибари подкрадется, пока ты спишь, поймает тебя в ловушку кошмарных снов или мерзких воспоминаний и будет медленно поглощать твою ки. Одолеть низшего ёкая им будет сложно, а вот смертную вроде тебя?.. – Каори снисходительно погладила Эми по голове. – Кто знает, успеет ли твой красавчик-кицунэ найти тебя вовремя?

Эми с трудом сглотнула, не позволяя себе смотреть на призрачное дитя.

– Все-таки это он? – шепнула Каори, вновь склонившись к ней. – Тот, в кого ты влюблена.

Эми отпрянула, возмущенно уставившись на бакэнэко. Каори захихикала.

– Бедняжка! Мужчины – гнусные создания, знаешь ли, даже те, что умеют очаровать. Если ты можешь сбежать и вернуться в свой мир, советую тебе так и поступить. Я тебя отсюда выведу, чтобы канашибари не прицепилась. Помогу – как одна женщина другой.

Каори рассмеялась и встала, расплескивая воду, а затем легко взбежала по ступенькам мимо неподвижного ёкая-ребенка. Все так же прикрывая метку камигакари, Эми бросилась за ней в теплую раздевалку. Канашибари не сдвинулась с места.

Эми мигом оделась и оставила полотенца в корзине для стирки. Не теряя время на то, чтобы собрать длинные волосы, она ринулась в коридор. Каори вышла следом, в простом хлопковом кимоно для сна, в котором явно намеревалась сразу и лечь.

– Удачи тебе, окини Эми! – проворковала бакэнэко. – И сладких снов.

Отвечать Эми не стала. Она поспешила прочь, постоянно оглядываясь – нет ли погони. Когда оной не оказалось, Эми, наконец, опустила напряженные плечи. «Вот тебе и расслабилась в горячей водичке».

Снаружи все так же падал снег. Эми прошла по деревянному настилу к маленькому домику, который им выделил хозяин постоянного двора. Она замерла у двери, набралась смелости – и только потом сдвинула створку. Юмэй и Широ сидели за низким столом. С ужином они успели разделаться – тарелки почти опустели. Когда Эми появилась на пороге, оба ёкая подняли головы. Выражение лица Юмэя осталось непроницаемым, а Широ наострил лисьи уши.

– Как-то ты быстро... даже непривычно, – заметил он.

Медленно выдохнув, Эми подошла к столу и опустилась на колени перед Юмэем. Тот застыл, занеся палочки над тарелкой лапши.

Вообще-то Эми собиралась высказаться с осторожностью и тактом, но ее так потрясла история с Каори и канашибари, что слова вырвались сами собой:

– Юмэй, я тебе не окини!

Он вздрогнул так, словно она его ударила. Палочки, выпав из руки, застучали по столу. Юмэй ошарашенно уставился на Эми. На мгновение в комнате воцарилась едва ли не осязаемая тишина.

А потом Широ расхохотался. Эми, подпрыгнув от неожиданности, переводила взгляд с него на Юмэя. К ее щекам прилил жар.

– Я не твоя окини, – повторила она под сдавленные смешки Широ, – но если... если тебе нужно больше ки, чтобы поскорее восстановиться, я могла бы...

Широ резко умолк.

– ...я могла бы помочь, – закончила Эми шепотом.

Юмэй все так же смотрел на нее в полнейшем замешательстве.

Помрачнев, Широ расправил плечи.

– И откуда у тебя взялись такие мысли, малышка-мико?

– Я просто... ёкаи ведь иногда заводят окини для таких случаев, если они, например, пострадали и нуждаются в ки, так? Юмэй тяжело ранен, в такой дали от своих гор, и я подумала: вдруг моя ки поможет ему исцелиться быстрее...

– Откуда ты узнала про окини?

– Ёкай в купальне сказала...

– Дай угадаю, – перебил Широ. – Она сказала, что ты – окини Тэнгу.

– Ну, да, но я...

В глазах Юмэй, сменив потрясение, вспыхнула ярость.

– Ты не моя рабыня, и я никогда не обращался с тобой как с подобной.

– Я знаю. – Эми поникла, съежилась, краснея все сильнее и желая скрыть свой страх, что Юмэй воспримет ее предложение совсем неверно. Широ снова подавился смехом, а затем глубоко вздохнул:

– Эми, общую мысль ты уловила верно, но кое-какие тонкости все-таки упустила. В основном – то, что таких ёкаев, как Юмэй, поддерживают не окини, а вассалы.

– Но его карасу здесь нет. – Эми сцепила пальцы и заставила себя поднять взгляд на Юмэй. – Чтобы противостоять Цукиёми, Сусаноо потребует твоя помощь. Широ мало что может сделать против водяной магии, да и я тоже вряд ли окажусь полезна. Но если я сумею помочь тебе быстрее исцелиться и уже через несколько дней быть готовым сражаться...

Юмэй недовольно сжал губы.

– Я не нуждаюсь в человеческой ки.

Широ взъерошил себе волосы.

– Слушай, Юмэй, а ведь она права. Сусаноо рассчитывает на тебя в битве с Цукиёми, а в такой дали от гор твоя ки восстанавливается слишком медленно. Даже если через два дня ты сможешь сражаться – в полную ли силу?

– Без возвращения домой полную силу мне не восстановить, – сухо произнес Юмэй. – Что Изанами наверняка от меня и ждет.

– Значит, твои варианты – черпнуть ки у меня, у Эми или подловить какого-нибудь беднягу на постоялом дворе.

Юмэй поднял палочки и аккуратно положил их на тарелку.

– К возвращению Сусаноо я смогу сражаться.

– «Смогу» и «на пике силы» – разные вещи, – заметила Эми неожиданно для себя строго. – Что, если просто смочь недостаточно? Ты и в самом деле готов так рискнуть?

– А ты, камигакари? – спросил Юмэй. – Готова ли ты ужасно ослабнуть?

– Вообще-то, – вмешался Широ второй раз, уперев локоть в стол и взмахнув палочками, – Эми будет жертвовать не ки Аматаэрасу, а свою, человеческую. Пару дней отоспится – и порядок.

– Их что, можно разделить?! – рявкнул Юмэй. – Ки Аматаэрасу навредит мне похуже ран. Эми нахмурилась.

– Но Орочи ел ками, – она содрогнулась, вспомнив, как хрустели кости в массивных челюстях дракона, – чтобы стать сильнее, так?

– Ёкай способен поглощать ки лишь тех ками, что слабее него.

– Большая доза ки Аматаэрасу его убьет. Как и меня. – Широ лукаво ухмыльнулся. – Но могу с уверенностью заявить, что ки Эми на вкус совсем не такая, как у Аматаэрасу, поэтому все с тобой, скорее всего, будет хорошо.

– Что?! – возмутилась Эми, вспыхнув.

– Так что, Юмэй, – продолжил Широ, посерьезнев, – кажется, отговорки у тебя кончились.

Юмэй провел ладонью по лицу и запустил пальцы в волосы – в непривычном человеческом для него жесте разочарования.

– Вы оба несоизмеримо надоедливы.

– Прекрасно, – заключил Широ, словно Юмэй не оскорбил их, а согласился. Затем он вскочил и обошел стол. – Эми, ты готова?

– Г-готова? – Что будет после непреодолимого препятствия в виде уговоров, она как-то не подумала. – Я не... то есть...

- Сама предложила, – заметил Широ, поднимая ее на ноги. – Уже передумала?
– Н-нет...

Стоя у Эми за спиной, он мягко взял ее за плечи и развернул к Юмэю. Тэнгу тоже успел встать – с энтузиазмом человека, который только что проиграл в споре и вынужден платить.

- Э-э... – пробормотала Эми. – А как?..

- Как обычно, – ответил Широ, развеселившись. – Или предпочтешь вскрыть вену?

Когда Юмэй шагнул ближе, она всерьез задумалась, не лучше ли пустить кровь. Тэнгу взял ее за подбородок, и Эми невольно отпрянула. Широ удержал ее на месте, усилив хватку.

Эми стиснула ткань кимоно в кулаках, упираясь спиной в Широ, и зажмурилась. Юмэй запрокинул ей голову и коснулся ее губ своими – настолько бесстрастно, насколько это было возможно. Эми старалась не вздрагивать и вообще не двигаться, пока он медлил.

А потом он надавил сильнее и вдохнул. Ее дыхание покинуло легкие, а вместе с ним – и ки. Эми выгнулась от боли, обжигающей огнем каждый нерв. Ее душа словно отрывалась от плоти, а с силой утекала и жизнь. Терзаемая агонией, она не могла даже шелохнуться.

Затем касание исчезло, и все прекратилось.

Эми обмякла. Юмэй поймал ее и подтолкнул к Широ, который, в свою очередь, обхватил талию девушки руками.

- Дыши, Эми, – легонько сжал ее он. – Все хорошо.

Комната перед глазами ужасно кружилась. Отчаянно хватая воздух ртом, она подняла голову.

- Сработало?

Юмэй потер ладонью грудь, словно та болела. Глаза его странно блестели, а зрачки были расширены.

- Твоя ки пропитана силой ками.

- Что это значит?

– То, – отозвался Широ, и Эми ощутила спиной вибрацию его голоса, – что твоя ки жжется, как раскаленные угли. Впрочем, с ним все будет в порядке.

- А-а, – выдохнула Эми удивленно; ей казалось, что ёкай ушел от прямого ответа.

Широ подхватил ее на руки, и комната вновь завертелась.

- Давай-ка уложим тебя в постель, малышка-мико.

- Эми.

Не ожидав услышать свое имя глубоким голосом Юмэя, она подняла голову. Тэнгу посмотрел ей в глаза, а затем поклонился в знак благодарности.

Широ отнес Эми в импровизированную спальню, отделенную ширмой. Опустившись на колени, он уложил девушку на фuton и укрыл одеялом. Усталость накатывала волнами. Сколько же ки забрал Юмэй?..

- Широ? – Его имя сорвалось с ее губ сонным бормотанием.

- Да?

Она нахмурилась.

- Это ведь не считается за поцелуй с Юмэем, правда?..

– Нет, не считается. Поцелуй – это совсем другое. – Широ наклонился к лицу Эми. – Мне освежить твои воспоминания?

Ее щеки вновь вспыхнули, и она глянула на ширму, за которой ждал и наверняка слушал их невидимый Юмэй. Проследив за взглядом Эми, Широ ухмыльнулся и отодвинулся. Ее веки упрямо наливались тяжестью и в конце концов сомкнулись сами собой.

- С Юмэем все будет хорошо?

– Да. – Теплые пальцы ласково убрали упавшие пряди с ее лица. – Ты поднесла ему ценнейший дар, который ни один ёкай не отдаст и не примет так просто. Ты добровольно вложила ему в руки свою жизнь, и он не забудет оказанное доверие.

В тот миг она была всецело уязвима, ведь так? Юмэй мог с легкостью ее убить, но мысль об этом даже не пришла ей в голову.

– Я бы дала свою ки тебе тоже, – пробормотала Эми, охваченная смутной тревогой – вдруг Широ решит, что она доверяет Юмэю больше, чем ему, – если тебе будет нужно.

Широ хмыкнул:

– Понадеемся, что этого никогда не случится. А теперь спи, малышка-мико.

Эми поддалась неумолимой усталости. Среди мыслей вдруг мелькнуло беспокойство: она забыла сказать Широ кое-что еще, предупредить, но так и не сумела вспомнить, о чем. И заснула.

Глава 3

Эми содрогнулась и вынырнула из глубин сна. Холод проникал сквозь кимоно, пальцы ног замерзли так, что болели. Она съежилась под одеялами и шумно выдохнула, почти ожидая увидеть облачко пара.

За тонкой ширмой, отделяющей ее спальное место от остальной комнаты, грохотали от сильного ветра окна. Бушует метель?.. Мышцы ломило; Эми проспала всего лишь несколько часов, не больше.

Зевая, она заставила себя оторвать изможденное тело от футона. Холод ударил по ней, словно поток студеной воды, но даже он не сумел развеять сонливость. Недолгий, неловкий поиск в шкафу разочаровал – запасных одеял там не оказалось. Обхватив себя руками, Эми сдвинула ширму и выглянула наружу.

Со стола исчезли остатки позднего ужина, потухшая жаровня не давала ни света, ни тепла. На другом конце комнаты, рядом с футоном Широ, теперь лежал еще один, и на обоих темнели фигуры.

Ёкаи явно могли преспокойно спать в такой мороз. За их футонами располагался шкаф побольше, где хранилось постельное белье. Наверняка там можно раздобыть и запасное одеяло. Пошатываясь от усталости, Эми шагнула вперед. В груди поселилась пустота, холод словно терзал ее изнутри.

Как только Эми пересекла комнату, ее хлестнул порыв ледяного ветра. Отпрянув на шаг, она развернулась к дверям. Сквозь брешь между створками виднелся окутанный ночью сад и летящий почти горизонтально на ветру снег.

«Почему они оставили дверь открытой?..» Эми нахмурилась и сдвинула ее обратно. В комнате сразу потеплело. Покачав головой, девушка замерла у изножья футона Широ. На его белых волосах мерцал падающий из окна свет. Не так давно, когда она разбудила кицунэ от кошмарного сна, он швырнул ее в стену и пришел в себя за мгновение до того, как чуть не вспорол ей горло. Пытаться проскользнуть между футонами ёкаев, наверное, было неразумно.

– Широ? – шепнула Эми. – Не спишь?

Тот не шелухнулся. Юмэй тоже. Он лежал на спине, отвернув голову. Темные волосы неряшливо прикрывали его лицо – что было совсем непохоже на обычно собранного ёкая. Насколько Эми замечала, Юмэй вообще редко спал, если кто-то оставался поблизости. Может, после передачи ее ки ему тоже надо было отдохнуть?

– Широ? – позвала Эми чуть громче.

Когда он опять не пошевелился, даже лисьим ухом не дернул, по ее спине пробежали мурашки. Он никогда не спал так крепко. И вообще, почему их не разбудил стук двери, которую она не так уж осторожно задвинула?

Сонливость пронзило вспышкой адреналина: Эми вдруг осознала, насколько маловероятно, что Широ и Юмэй легли спать с открытой дверью. Может, ее открыл ветер? Или... нечто иное?

Эми внимательно оглядела комнату, но никого не увидела. Прикусив щеку изнутри, она встала между футонами и присела на корточки.

– Широ, проснись!

Никакой реакции. Надеясь, что он не набросится на нее, Эми коснулась его плеча. Широ продолжал спать. Глаза его были закрыты, лицо расслаблено. Тревога Эми обернулась настоящим страхом.

– Широ! – Она потрясла его за плечо. Тщетно. Даже не пошевелился.

Может, это все ей снится? Это лишь кошмарный сон? Она потянулась к Юмэю.

– Юмэй, проснись! Пожалуйста! – Эми встряхнула его, но Тэнгу, как и Широ, остался неподвижен. В отчаянии она стукнула его по плечу ладонью. – Да что же с тобой такое?! Проснись!

Когда она повернулась, намереваясь выглянуть наружу, зачерпнуть снега и бросить его в лицо Широ, воздух над ним странно замерцал. Эми застыла и прищурилась.

Тень обрела форму. Маленькое тельце, тонкие конечности, спутанные черные волосы. На груди Широ сидела призрачная малышка. И ее пустой, бездонный взгляд вперился в Эми.

В ушах застучала кровь. Канашибари – ёкай, плетущий сны, который следил за Эми в купальнях. Вот, о чем она забыла предупредить Широ! А теперь это существо сидело на нем, и он не мог проснуться.

Эми бросилась к Юмэю. На его груди возникла вторая канашибари – такая же девочка со свалывшимися волосами в светлом кимоно – и подняла на Эми пустые черные глаза.

Малышка растянула губы в зловещей ухмылке и вскинула ручку. Эми оттолкнула ёкай, но ее собственные руки прошли сквозь прозрачное тело, ощутив лишь холод.

Девочка-ёкай потянулась к ее лицу, и маленькая, вполне осязаемая ледяная ладошка прижалась ко лбу. В голову Эми хлынула волна обжигающего льда, скрывая под собой все мысли, и на нее навалилась невозможная, беспощадная сонливость.

Не успев ни отреагировать, ни даже подумать о сопротивлении, Эми рухнула на бессознательного Юмэя и соскользнула во тьму.

* * *

Ноги Эми двигались, но она не знала, куда они ее несут.

Она брела расслабленно, без спешки, и ее взгляд лениво скользил по незнакомой округе. По обе стороны от нее вздымались стены, полные зеленой листвы лозы оплетали темный камень. Наверху, футах в двадцати, он переходил в стены уже из черного дерева, испещренного маленькими квадратными окошками.

Озадаченная, но странным образом спокойная, Эми шла по усыпанной гравием дорожке вглубь извилистого лабиринта. Тропу под ее ногами окутывали тени, закат окрашивал облака яркими оттенками оранжевого.

Эми завернула за угол и увидела широкие ступеньки. Запрокинув голову, оглядела высокую узкую постройку с заостренной черепичной крышей: дозорную башню на стене.

Преодолев лестницу, девушка предстала перед длинным, многоуровневым двором. Вокруг него располагались разномастные здания с крытыми деревянными переходами. А напротив Эми высилась главная башня из шести ярусов с изогнутыми темными крышами, большими окнами и балконом на самом верху.

Замок. Она бродила по землям древнего замка.

Эми зашагала вперед по двору, красные хакама шуршали вокруг ног. В тених построек мелькали фигуры: тут и там собирались в толпы облаченные в традиционные одежды давно минувших дней люди, чье напряжение ощущалось с первого взгляда. Над головой, хрипло каркая, пролетела стая ворон и скрылась за внешней крепостной стеной.

Лишь теперь в голове Эми постепенно начали созревать вопросы. Где она? Что это за замок? Почему она здесь?

Эми поднялась по ступенькам и прошла в распахнутые двери замка. Комнату за ними, которая как будто тянулась во всю длину здания, устилали красивые татами. Пространство пересекалось открытыми перегородками из рисовой бумаги и столбами из лакированного дерева. Эми остановилась, сняла сандалии и оставила их у входа, как того требовали приличия.

Она бесшумно пересекла главный зал, а затем оказалась на лестнице, ведущей на следующий ярус. Комнаты стали меньше размером, но в них появилась обстановка – простая и в то

же время потрясающая. Смутное беспокойство переросло в настоящую тревогу. Что-то не так. Эми не должна здесь быть. Здесь ей не место.

Она замерла, пораженная великолепиям покоев, в которых очутилась следом. Каждая панель была расписана изображением гор и водопадов, ярко одетых господ. Под высоким потолком пересекались узкие лакированные балки и в каждом квадрате виднелись отдельные картины. Богатство и утонченность убранства подчеркивала и мерцающая позолота.

Затаив дыхание, Эми подобралась к раздвижным панелям, что вели к балкону. Шагнув на деревянный пол, положила руки на перила. Перед ней раскинулись земли замка – лабиринт соединенных между собой построек на трех уровнях (каждый обнесен собственной крепостной стеной), расположенных вокруг замка – самой высокой точки.

Оттуда открывался хороший обзор на бурную деятельность внизу. Мужчины и женщины спешили к постройкам и обратно, в бойницах мелькали тени – воины обходили границы. Стаи ворон перелетали с крыши на крышу, а по проходам двигались силуэты, непохожие на людей.

За стенами простиралось еще больше домов, все деревянные. На разъезженных дорогах тянули телеги крошечные фигурки лошадей и волов. Где же она очутилась?..

Ее размышления вдруг прервал громкий лязг и звук удара. Эми невольно отпрянула от перил и спряталась за створкой двери.

Через еще один из четырех обрамляющих ярус балконов в комнату влетела темная фигура. Огромные черные крылья мужчины блестели в свете заходящего солнца. Он был облачен в черное косодэ, хакама и легкий доспех – кожаные пластины, положенные внахлест, прикрывали его плечи и руки до локтя. Длинные черные волосы были стянуты на затылке в высокий хвост, который покачивался с каждым наполненным яростью шагом, из-за острых ушей торчало еще несколько перьев.

Следом, сию же минуту не отстав, ринулась женщина с похожими крыльями. Ее волосы – чуть длиннее, чем у мужчины – были завязаны так же, а темные одежды и легкий доспех – лишь немногим женственнее.

– Господин! – с досадой воскликнула она. – Вы меня выслушаете?

Крылья взметнулись, когда мужчина рывком развернулся к женщине, и свет с балкона упал на его лицо.

Эми охнула. Юмэй! Иная одежда, прическа, но все то же лицо – как и светлые, серебристые глаза.

– Мне все равно, что ты скажешь! – прорычал он, и ярость звенела в каждом слове. – Если ценишь свою жизнь, убирайся.

Женщина – на ее поясе покачивались длинная катана и более короткий вакидзаси – упрямо скрестила руки на груди.

– Мы одержали победу. – Она вскинула голову. – Сие славное завоевание нескоро забудут, а имя Тэнгу – и страх пред ним – навеки останется в истории.

– Скудоумка, – выплюнул Юмэй.

– Разве? – парировала женщина. – Вы не желаете, чтобы мы наслаждались триумфом над спесивыми ками, разрушением их великого храма? Чтобы мы скрывали трофеи, сокровища, оружие и чары, которые ныне принадлежат нам?

– Сокровища Изанаги.

– Мы сокрушили его храм, его вассалов, его барьеры и защиты. К чему нам трепетать перед ним?

Юмэй отвернулся. Его крылья с резким хлопком развернулись, черные перья обернулись лентами силы. Женщина тоже расправила свои, обратив их в ленты теней.

– Я запрещал нападать на храм. – Голос Юмэя вдруг стал тихим – опасно тихим.

– Вы не оставили мне выбора. Я знала, вы не бросите нас там умирать, равно как и то, что вы одержите верх. – Женщина расправила плечи. – Вы забыли блеск победы, мой господин.

Слишком долго вы только и делаете, что сидите в четырех стенах и наблюдаете, как времена года сменяют друг друга, позволяете другим дайтэнгу поступать так, как им заблагорассудится. Пора вам пробудиться. Им надлежит увидеть вашу мощь, вашу власть. Миру надлежит вновь лицезреть их!

Юмэй смотрел вперед, все так же стоя к дайтэнгу спиной.

– Ты слепая скудоумка. Я запретил тебе нападать на храм не потому, что победа была недосыгаема, но потому, что сие обречет нас на гибель.

Женщина отшатнулась, раскрыв рот.

Юмэй повернулся к ней с застывшей на лице ледяной маской неумолимого гнева.

– Мы взяли верх лишь потому, что Изанаги не в этом мире. Однако теперь он низойдет, и за нашу победу – за мое вторжение в его драгоценный храм – он уничтожит и меня, и все, что мне принадлежит. Мои земли, войска. Моих военачальников.

– Мы... мы не позволим...

– Он уничтожит всё. Иначе прочие ёкаи получают знак, приглашение нападать и грабить ками и их слуг. – Юмэй оскалился. – Он погубит всех, кем я повелеваю, всех, кого оберегаю, потому что ты меня ослушалась!

Женщина-дайтэнгу отпрянула от его безжалостной ярости.

– Почему тогда вы ко мне примкнули? Почему не дали нам умереть?

– Было уже слишком поздно.

Тени сгустились, трепеща и танцуя, окутали Юмэя живым плащом. Он шагнул к женщине – медленно, плавно, словно хищник. Обхватив рукоять у ее бедра, Юмэй извлек из ножен короткий вакидзаши.

Женщина побелела.

– Мой господин?

Юмэй остался бесстрастным, беспощадным. Он протянул ей клинок рукоятью вперед.

– Тебе выбирать, Сабуро.

Она судорожно втянула воздух.

– Господин, вы не... вы бы не...

– Ты предала меня. Ты не заслуживаешь даже этого последнего шанса сохранить честь. На лице женщины проступила решимость.

– Я не откажусь от своего решения. Я поступила так ради вас, чтобы ваши дайтэнгу – и вы сами – вспомнили о вашей власти.

Юмэй провернул вакидзаши так, что острое оказалось направлено в ее незащищенный живот. Взгляд женщины метнулся от лезвия к лицу Юмэя, ее челюсть дрогнула.

– Ты не оставила мне выбора.

– Юмэй...

Он полоснул клинком. На татами брызнуло алым, и Сабуро рухнула на пол, обхватив живот руками.

Эми зажала рот ладонями. Голова шла кругом. Юмэй стоял над поверженной женщиной, с вакидзаши в его руке капала кровь. А затем он занес клинок еще раз, и лезвие замерло над шеей Сабуро. Эми отвернулась, зажмурилась, отчаянно желая, чтобы этот кошмар подошел к концу.

Нет. Не кошмар. Воспоминание... воспоминание Юмэя.

Осознание принесло с собой образ канашибари на груди Тэнгу, протянутую ручку. Эми попала под чары ёкая, и теперь переживала прошлое Юмэя вместе с ним.

Раздавшийся стук вновь привлек ее внимание к происходящему в покоях. Юмэй уронил вакидзаши рядом с неподвижной дайтэнгу. Потом отошел в сторону, стянул броню с плеч и отшвырнул прочь. Остановившись у колонны, спиной к убитой, он обратил лицо к закату за открытыми дверями балкона. Прижал руку к колонне, склонил голову и обреченно поник.

– Что, Тэнгу, тебя погубила женщина?

Стоило этому голосу зазвучать, как у Эми перехватило дыхание.

Юмэй развернулся. В покои неспешно прошел гость. Изящное белое облачение с длинными рукавами, расшитыми по краям пламенем, трепетало с каждым его шагом. Длинные белые волосы были свободно перехвачены ниже шеи красным шнурком, над головой возвышались лисьи уши.

– Инари! – прорычал Юмэй.

Глава 4

Эми заставила себя вдохнуть и содрогнулась. Инари.

Она совершенно не могла представить Широ в столь изысканном, величественном одеянии, однако тот носил его без малейшего стеснения. Его волосы, много длиннее, чем у Юмэя, ниспадали почти до пояса.

Эми подалась чуть ближе, вглядываясь, но никак не могла сосредоточиться на его лице – ни на рубиновых глазах, ни на отметинах на щеках. В своем воспоминании, что стало сном, Юмэй не помнил лица Инари: даже могущественные ёкаи неспособны удержать в памяти облик куницуками.

– Итак, – продолжил Инари насмешливо, остановившись у тела на полу, – твоя милая дайтэнгу напала на храм Изанаги, ты бросился за ней и, тем самым, обрек на гибель всех, кто от тебя зависит. Как благородно.

– Как ты явно подслушал, – едко отозвался Юмэй, – я примкнул к ней лишь потому, что было уже поздно. Командовал я нападением или нет, для жаждущего мести Изанаги сие не имеет значения.

– Разумеется. Ты должен был не только повелевать, но и держать ее в узде, чего не сумел. – Инари обогнул лужу крови, разглядывая роспись на стенах. – Почему же, Тэнгу, она тебя ослушалась? Сдается мне, уже многие дайтэнгу отбились от рук.

– Зачем ты здесь, Инари?

– С недавних пор ты на удивление затаился. В последние годы я что-то маловато слышал о твоих завоеваниях. – Инари повернулся к Юмэю. – Утомился от битв и крови?

– Дела требуют моего внимания. Если жаждешь развлечений, ищи их в городе.

– Я уже порядком поразвлекся, Тэнгу, – промурлыкал Инари; в его голосе сплелись огонь и лед. – Экую судьбу ты на себя навлек. Месть Изанаги будет впечатляющая. За минувшую тысячу лет ты знатно расширил свои владения и войска, и все же, когда амацуками неба осуществит задуманное, от них останутся лишь выжженная земля и пепел.

– Я не могу обернуть вспять то, что свершилось! – рявкнул Юмэй, сжав кулаки. – Найди иную забаву, куницуками.

Инари вновь сдвинулся с места, плавно обходя покои и Тэнгу по кругу. Глядя сейчас на Инари – на то, как он насмехается над Юмэем, впивается в его больные места, намеренно выводит из себя, – Эми не считала игривые подначки Широ такими уж безобидными. Теперь она понимала: это лишь более мягкая версия жестоких колкостей Инари. И если болтовня Широ зачастую вызывала у Юмэя лишь раздражение, Инари с легкостью приводил его в ярость.

– Что будешь делать, Тэнгу? – поинтересовался Инари с уже меньшим ехидством. – Еще есть время, прежде чем Изанаги низойдет сюда ради мести.

Юмэй сощурил глаза, оценив перемену тона куницуками.

– Спасу все, что смогу.

Инари остановился, провел ладонью по гладкой колонне.

– Величие битвы. Сладкое упоение победы. Кровь врагов на земле. Они уже не манят тебя так, как прежде?

Юмэй промолчал, напрягшись.

– Ты помышляешь не о жажде завоеваний, но о бремени на твоих плечах, о жизнях и землях, которыми правишь. Твоя прелестная любовница-дайтэнгу рвалась в бой, но в тебе, Тэнгу, уже не осталось огня для танца жизни и смерти. Он угас под гнетом долга правителя. – Инари скользнул к Юмэю. – Ты достаточно возмужал и перестал быть безжалостным завоевателем. Ты захватил все земли, которые хотел, – и даже больше. Собрал все армии, которыми хотел повелевать, – и даже больше. Что ныне разжигает в тебе страсть?

На лице Юмэя проступило огорченное удивление. Он мог не подтверждать звенящую в словах Инари истину – она была очевидна, как свет закатного солнца.

– Как давно ты осознал, – продолжил Инари, – что всего этого уже не желаешь?

Юмэй вновь помрачнел.

– Ты не знаешь, о чем говоришь.

– Разве? – развеселился Инари. – Подумай, Тэнгу. Тебе не случалось размышлять, почему мы, куницуками, не владеем землями? Почему не командуем армиями? Мы ведь могли бы. Мы повелевали бы всем – стоит лишь пожелать.

Он взмахнул длинным рукавом.

– Мы ведь давным-давно усвоили – как и ты теперь, – что подобная судьба по меньшей мере незавидна. Править... властвовать... Ты вновь жаждешь свободы, Тэнгу. Скажи, что нет.

Юмэй впервые опустил взгляд – молча признавая поражение, неохотно признавая правоту Инари.

– Стало быть, ты желаешь сбежать от сего бремени. – Инари спрятал ладони в рукавах кимоно. – В своем безучастии ты ослабил хватку над дайтэнгу, и теперь все обратится в прах на твоих глазах. Что ж, по крайней мере, ты обретешь вожденную свободу от бремени правления.

Юмэй окаменел.

– Если ты полагаешь, что я ни во что не ставлю жизни тех, кто...

– Если бы ты их ни во что не ставил, то до сих пор предавался бы ускользающей эйфории битвы. Однако Изанаги все же низойдет и уничтожит все принадлежащее тебе, что только сыщется. – Инари склонил голову набок. – Но что, если ему окажется не на что обратить свой гнев?

Юмэй нахмурился.

– Уходи, Тэнгу, – проворковал Инари. – Оставь свои земли. Оставь войска. Разгони своих дайтэнгу, откажись от власти.

Юмэй отпрянул, распахнув глаза:

– Отречься?

– Для Изанаги ты нынче великая мишень. Однако лиши его этой мишени – и он быстро пресытится возмездием. Разумеется, некоторые, погибнут. Может, даже ты сам. Но не все. Он не станет тратить ни время, ни силы на охоту за твоими людьми поодиночке.

– Безумие! – гаркнул Юмэй. – Разрушить все, чем владею, прежде Изанаги?

– Именно. – Инари плавно обошел его, словно волк добычу. – Почему ты колеблешься? Я предлагаю тебе избавление от бремени власти и средство избежать судьбы, которую ты навлек на присягнувших тебе и всех, кто зависит от них самих. Обречешь ли ты их на гибель лишь ради того, чтобы сберечь гордость?

– Безумие, – прошипел Юмэй, но в его голосе все же проскользнула нотка сомнения. – Пусть мои дайтэнгу и беспокожны, они не забудут свою верность так просто.

– Тогда отправься туда, куда они не сумеют за тобой последовать. Темные уголки Цучи всегда тебе рады.

– Отступить в глубины Цучи? Это еще безумнее.

Инари пожал плечами:

– Ты избежнешь постылой жизни, а большинство твоих подопечных, в свою очередь, – верной смерти. Что именно тебе не нравится?

– Лишь ты способен предложить нечто настолько... настолько...

– Мудрый Тэнгу утратил дар речи. Я польщен. – Инари шагнул ближе, оказавшись почти нос к носу с Юмэем. – Решай, Тэнгу. Как поступишь?

Юмэй оскалил клыки.

– Поступлю, как ты говоришь.

Инари сдвинулся назад, и пелена, скрывающая его лицо, на миг явила коварную ухмылку.

– Благоразумный выбор, Тэнгу. – Он резко развернулся и пошел прочь. – Теперь, когда злого рока, нависшего по твоей вине над столь многими жизнями, удалось умело избежать, я удалюсь. – Инари оглянулся. – Или же стоит сперва помочь тебе ступить на сей отчаянный путь?

Он вскинул ладони вверх, и на красивые, расписанные стены обрушился огонь. Алое пламя с ревом взметнулось по дереву, изрыгая в потолок черный дым. Юмэй попятился.

– Позволь мне приступить к краху твоей империи, Тэнгу. – Усмешка Инари, став острой, ранила, словно клинок. – Изанами явно сразу явится в твой дворец, так что первым делом сотрем его.

– Инари... – начал Юмэй, потрясение которого сменилось яростью.

– Полагаю, пора всех отсюда выводить. – На руках Инари замерцал огонь, заплескал на плечах, соткался за спиной полупрозрачными хвостами. – Прощай, Тэнгу. Быть может, когда-нибудь мы вновь встретимся... если ты переживешь гнев Изанаги.

– Инари! – крикнул Юмэй.

Хохот куницками утонул в реве пламени, и он исчез в огненной буре. А та, взвившись, охватила всю комнату, поглотив тело убитой дайтэнгу. Под потолком за клубился дым.

Юмэй, отпрянув, отступил на ближайший балкон. Из спины Тэнгу вылетели черные ленты силы, собираясь в крылья, и он перемахнул через перила.

Эми тоже попятилась, все ближе к долгому падению на камни двора. Обжигающий жар заставил ее прижаться к перилам. Снизу донеслись крики – воины заметили огонь. Пламя лизало окна, перебиралось на крышу.

В отчаянии оглянувшись, Эми прыгнула с балкона. Ветер хлестнул ее, засвистел вокруг, и она закричала.

* * *

Из горла вырвался крик, глаза распахнулись. Внутри что-то оборвалось – она резко оказалась в воздухе. И, взмахнув руками, вдруг мельком увидела Юмэя и Широ. А еще – пару сидящих на них канашибари.

Комната закружилась, затем это ощущение пропало. Эми развернулась и в изумлении уставилась на знакомые серебристые волосы и тигриные уши своего спасителя.

– Бьякко! – охнула она.

Она почти ожидала увидеть Сусаноо, не подозревая, что Бьякко собирался вернуться. Судя по темным кругам под золотистыми глазами, за те четыре дня, что он отсутствовал, отдыхать ему приходилось совсем немного. Бьякко, не сводя сурового взгляда с канашибари, оттащил Эми еще на шаг.

Маленькое существо на груди Широ зашипело. Девочка-ёкай прижала ладошку к лицу кицунэ, и он наконец подал признаки жизни – его уши дернулись, лоб сморщился. Сердце Эми екнуло от зародившейся в нем надежды, и она забилась в хватке Бьякко, открыв было рот, чтобы попросить его помочь Широ и Юмэю.

Однако Бьякко заговорил первым:

– Держи его. Ему пока нельзя просыпаться.

От смятения Эми утратила дар речи. В словах Бьякко не было никакого смысла.

Тигр прижал ее к себе и оторвал от пола одной рукой. Во второй он держал белый прямоугольный листок – талисман-офуда. Бьякко прижал его к груди Эми над воротником кимоно и произнес заклинание.

Жаркая сила пронзила ее, словно удар молнии. Эми выгнулась, с губ вновь сорвался крик. Чары вонзили в ее нутро свои крюки, оплели грудь колючей проволокой, и горячая ки Аматаэрасу исчезла. Эми обмякла в хватке шиджина, задыхаясь и слабея, а невидимые лезвия все продолжали впиваться в нее с каждым вздохом. Бьякко сковал магию Аматаэрасу – и Эми слишком поздно догадалась, что он явился вовсе не спасать ее.

– Просыпа-а-ается! – взыв тоненький голосок.

Эми вскинула голову. Канашибари прижимала к голове Широ обе ладошки. Его рубиновые глаза блеснули – тусклые, полные сна, но все же приоткрытые.

– Широ! – вскрикнула Эми. – Проснись!

Бьякко дернул ее назад.

– Держать их, – прорычал он. – Как можно дольше!

Канашибари вновь склонилась над Широ, и под ее пальчиками затрепетала темная магия. Алые отметины на лице ёкая засияли в ответ.

– Широ!!!

Бьякко ринулся в открытые двери, унося Эми с собой в бушующую в саду метель. Она тщетно забилась – ее руки были прижаты, да и что она могла противопоставить силе ёкай? Эми в отчаянии попыталась очиститься от сковавших ее чар, но всего несколько часов назад Юмэй выпил большую часть ее ки. Вместо желаемого эффекта она призвала ветер.

Бьякко прыгнул вперед, и его подхватил резкий порыв – подчиняясь воле шиджина-тига, не ее. Бьякко – дух воздушной стихии, а значит, у Эми, простой смертной, не оставалось и

шанса вырвать у него контроль. При помощи бури он поднимался в небо, минуя верхушки деревьев.

– Что ты делаешь?! – перекричала Эми завывания бури.

На его щеке запульсировала венка.

– Я не стану просить у тебя прощения, камигакари. Я делаю то, что должен.

– Куда ты меня уносишь?!

Позади них, сквозь занавесь кружащего в темноте снега, вспыхнул алый свет. В ночное небо ударил столп огня, во все стороны разлетелись пылающие обломки. Эми охнула, надеясь, что Широ, прежде чем разверзнуть этот пламенный ад, вспомнил про Юмэя рядом.

Оскалившись, Бьякко побежал по ветру еще быстрее. На Эми хлынула холодная, чуждая магия – и тут же пропала. Они покинули Цучи. Мчась сквозь снегопад, тигр и его пленница спустились в темную долину. Эми силилась высвободить руку, чтобы сорвать с себя офуда и снять оковы с ки Аматаэрасу, но Бьякко держал слишком крепко.

В ленте тьмы внизу отразился далекий свет – там змеилась река. Бьякко рухнул вниз и приземлился в глубокий снег. Вокруг, швыряя ледяную крошку им в лица, неистовствовала буря. Прижимая Эми к себе, Бьякко взмахнул свободной рукой – так, словно сдвигал занавесь.

Ветер рассеялся, снегопад поутих, и у кромки воды показались два почти невидимых силуэта. Эми на мгновение окутало неверным теплом незнакомой силы ками.

Бьякко грубо поставил ее на ноги. Потом схватил за волосы и в мгновение ока выхватил клинок. Ее горла коснулась холодная сталь.

– Камигакари у меня, живая и невредимая. – Низкой голос Бьякко был резким, почти неузнаваемым. – Теперь верните его.

– Сперва отдай нам камигакари, – произнесла одна из фигур, едва заметная среди темноты и снега.

– Не раньше, чем он ко мне вернется. – Бьякко потянул Эми за волосы, заставляя запрокинуть голову. – Не мешкайте. За нами гонится Инари, и он слишком хорошо чувствует ее ки, так что буря не сможет долго скрывать след камигакари.

– Так и быть. – Силуэт поднял руку.

Позади него забурлила темная поверхность реки. Она вскинулась волной, выгнулась над головами ками, словно огромное щупальце. Из него выпала фигура и с плеском рухнула между Бьякко и двумя силуэтами. Извивающееся щупальце втянулось обратно в реку.

Бьякко толкнул Эми вперед. Ее зубы стучали от холода, а ноги с каждым шагом дорожали. В ней пульсировали слабость и пронзающая боль от чар офуда.

Ёкай-тигр подвел ее к неподвижной фигуре, которую вытолкнула река. Остановившись, он отодвинул меч и ослабил хватку на волосах Эми.

– Он жив? – прошептал Бьякко.

Эми опустила взгляд. У ее ног съезжился бесчувственный мальчик. Из белых волос торчали тигриные ушки, на щеках темнели полосы. Сын Бьякко, не иначе.

Склонившись, Эми поднесла ледяные пальцы к его носу и рту, подождала, пока не ощутила слабое тепло его дыхания.

Она выпрямилась и шепнула в ответ:

– Жив.

Бьякко вновь поднес меч к ее горлу. Лезвие почти касалось кожи.

– Мы вернули твоего отпрыска, – сказал ждущий у реки ками. – Камигакари наша.

Бьякко подался ближе, меч в его слегка дрогнул, а слова прозвучали на грани слышимости:

– Мне очень жаль, Эми.

Клинок пропал. Бьякко подхватил своего сына на руки и ринулся к деревьям.

Река ожила второй раз. За ёкаем ринулись похожие на змей спирали воды, но вновь поднялся ветер. Вихрь с ревом разорвал водяные столбы, разметав их ледяными каплями во все стороны.

А затем Бьякко исчез, растворившись в темном лесу, и Эми осталась одна.

– Пусть бежит, – сказал один ками другому. – Инари убьет его за нас.

Водяные щупальца обрушились на землю, и Эми окатило ледяной влагой. Она развернулась на дрожащих ногах и бросилась за Бьякко.

Лужа на ее пути, вдруг поднявшись, ударила с силой прибрежной волны. Эми упала навзничь, и ее вновь пронзило болью от офуда.

Над ней склонились два лица – прекрасных, нечеловеческих лица ками. Один из мужчин потянулся к ней.

– Нет! – охнула Эми, вскидывая ладони.

Второй ками схватил ее запястья и завел их девушке за голову. Эми забилась, пытаясь вырваться, – но к ней уже устремилась рука и первого ками. Он намеревался ее убить.

Он сорвал офуда с кожи Эми. Впивающиеся в ее плоть магические путы исчезли, и метку камигакари мгновенно затопило жаром. Ки Амагэрасу разгоралась, готовая защищать.

Ками прижал пальцы к ее груди, и обоих мужчин озарила вспышка света. Магия пронзила Эми, пронеслась по позвоночнику и ударила в голову. Все вокруг стало белым, ощущения исчезли, и она провалилась в темноту.

Глава 5

Глухой рев ритмично появлялся и пропадал. Звук просачивался сквозь цепкую дрему, которая давила на разум и тело тяжелым одеялом. Но в то же время в ней зрел тягучий страх, и Эми стремилась разорвать оковы сна. Ей было нужно проснуться.

Она с невероятным усилием приоткрыла глаза.

На балки незнакомого потолка падал золотистый солнечный свет. Эми медленно моргнула. К жгучему страху добавился голод, от которого ныл желудок, во рту пересохло.

Белоснежный футон и подушка пахли свежестью. Вокруг – комнатка в традиционном стиле, устланная татами, с деревянными стенами и парой раздвижных дверей напротив Эми. Лучи света сочились сквозь окно над ее головой. В нише висела картина с изображением оранжевой рыбы, плывущей по течению.

Эми огляделась, совершенно растерянная. Разве Бьякко не отдал ее двум ками? Почему она до сих пор жива? Где она вообще?..

Морщась от слабости, Эми с трудом встала. После ее падения у реки помятое персиковое кимоно украшали брызги грязи, в распущенных волосах запутались листья. Пошатываясь, она добралась до окна, раздвинула створки – и с удивлением обнаружила с другой стороны тяжелый деревянный ставень. Эми толкнула его вверх, и комнату залило яркое солнце. Ритмичный рев стал значительно громче.

За окном бесконечно простирались синяя, мерцающая вода и голубое небо, усеянное клочками светлых облаков. Внизу об утес и берег непрерывно бились пенные волны.

Эми отпустила ставень. Суши на чистом горизонте не было. Подавив панику прежде, чем та успела выйти из-под контроля, Эми пересекла комнату и осторожно приоткрыла дверь. Широкий коридор с деревянными полами пустовал. Она сдвинула створку еще на фут и высунулась уже смелее, полагая, что ее оставили без охраны.

Воздух подернулся рябью. В шести футах от пола зависли странные голубые сферы – а потом глаза Эми сфокусировались, и она увидела то, что прежде не замечала.

В коридоре парила прозрачная змея с сияющими глазами. Толстое и длинное тело можно было разглядеть, лишь когда оно двигалось – даже от малейшего действия оно блестело, словно вода.

Потому что это и была вода. Грудь Эми сдавило, словно вокруг нее уже обвились кольца. Змея, сотканная из одной только воды. В области ее горла тускло мерцал продолговатый предмет. Эми застыла на пороге, а существо скользнуло ближе. Челюсти змеи раскрылись, и из пасти вырвался свет.

Эми отпрянула и захлопнула дверь, часто дыша. Попятившись, проверила рукава, но офуда в них не оказалось. Чтобы пробраться мимо водяного змея, придется рассчитывать только на магию ветра Аमतэрасу.

Она сосредоточилась на точке, где в ней обычно дремала теплая сила ками, но ничего не ощутила.

Сглотнув внезапную вспышку ужаса, Эми раздвинула кимоно. Метка камигакари, черный символ над ее сердцем, был частично скрыт под кроваво-красной руной.

– Что?! – охнула Эми.

Она осторожно коснулась алой линии, но не ощутила под пальцами ничего, кроме собственной кожи. Потерла незнакомый символ большим пальцем, потом провела по нему ногтями, пытаясь его отскрести. Бесполезно. Он остался на месте, словно татуировка.

Эми дрожащими руками поправила кимоно и вновь потянулась к силе Аमतэрасу. Различила едва слышное биение собственной слабой ки, но не жар магии амацуками. Алый символ наверняка блокировал ее связь с богиней.

Тишину нарушил громкий стук, и дверь спальни скользнула в сторону.

На пороге стоял мужчина, чья красота свидетельствовала о его божественной сущности ками, облаченный в изящное одеяние, подобное тому, что носили сохэи, но цветов океанской синевы. Он слегка поклонился в знак приветствия – скорее, просто кивнул.

Манеры врага застали Эми врасплох, и она машинально ответила более низким поклоном.

– Иди за мной. – Незнакомец развернулся и, не оборачиваясь, пошел прочь.

В ушах стучала кровь. Эми неохотно шагнула за ками. Стоило ей ступить за пределы комнаты, как мерцающий водяной змей принялся следить за каждым ее движением. Эми бросилась догонять мужчину, и змей в злобешем безмолвии скользнул за ними.

Ками провел ее по длинному коридору к деревянной лестнице. Эми ускорила шаг и оглянулась – змей неспешно полз за ними.

– Простите, – робко начала она. – А что...

– Не мне отвечать на твои вопросы, – безапелляционно перебил ее ками.

Эми прикусила язык, не давая этим самым вопросам сорваться. Поднявшись на три этажа, ками раздвинул двери в конце коридора. Прохладный соленый ветерок скользнул внутрь, поиграл с волосами Эми. За порогом обнаружились три крыла дома, обрамляющие большой двор, и деревянные настилы вдоль каждой стены. Вдали располагалась квадратная беседка с островерхой изогнутой крышей.

Большую часть двора занимал сад камней – ровный чистый песок и аккуратно расставленные камни, как символ суровой, умиротворенной красоты.

Замерев у дорожки, ками еще раз слабо поклонился Эми. Она немного поколебалась, но все же сошла с настила во двор. Приподняв край кимоно, чтобы не задеть гладь песка, Эми пересекла сад и приблизилась к беседке. Ками – как и водяной змей за его спиной – остались на месте.

Эми остановилась у деревянного строения. Поморгала, чтобы привыкнуть к приятной тени внутри.

За низким столиком, спиной к ней, сидел мужчина, облаченный в прекраснейшие синие-белые одежды. Оттуда ему открывался замечательный вид на берег. Прибой непрестанно бился о непоколебимый камень, бурлил пеной с каждой волной.

Мужчина развернулся, взглянул на Эми темными глазами. Ощущение охватило ее внезапно, словно буря: обжигающее давление чужой магии, покалывающее кожу присутствие могучей силы.

Эми не знала, зачем она здесь. Не знала, каковы его намерения. Но неважно, враг он ей или нет – не оказать уважение амацуками Эми не могла. Она ступила в беседку и, опустившись на колени, низко поклонилась, коснувшись лбом пола. Осознание собственного жалкого вида – со спутанными волосами и в грязном кимоно – лишь усилило ее незащищенность.

– Поднимись, камигакари Кимура.

Она села и, когда амацуками изящным жестом указал ей на подушку напротив себя, осторожно переместилась туда. Теперь их разделял столик. Эми с легкостью узнала в этом амацуками Цукиёми, которому подвластна водная стихия – просто благодаря безмятежности, что он источал.

– Как ты поживаешь, камигакари?

Голос амацуками, низкий и мягкий, словно песнь ручья, был восхитительно красив, как и его лицо. Черты его оставались гладкими, юными, хоть он и занимал тело своего камигакари на протяжении многих десятилетий. Длинные волосы были убраны в хвост, и пусть лицо Цукиёми оставалось неподвластно возрасту, среди черных прядей виднелись нити серебра.

– Как... я поживаю? – повторила Эми.

– Когда ты прибыла сюда, твоя ки была опасно истощена. – Амацуками потянулся к стоящему у его локтя чайному сервизу и занялся приготовлением напитка. – Восстановила ли ты силы?

– Ох. – Эми сцепила пальцы. – Да, мне стало гораздо лучше. Как... как долго я спала? Амацуками насыпал чайный порошок в две чашки.

– Несколько дней.

– Дней?!

– В столь ослабленном состоянии неожиданное перемещение могло опасно сказаться на твоём здоровье. Для твоей сохранности я обеспечил тебе сон.

Эми проследила за тем, как он наливает кипятка, невольно сжав кимоно у себя на груди.

– И это вы наложили заклинание на мою метку камигакари?

Цукиёми благодушно кивнул:

– Здесь ты не нуждаешься в ки моей сестрицы.

– Где «здесь»? На островах Сабутэн? – Вопрос прозвучал слишком требовательно, даже с ноткой обвинения. Узумэ упоминала, что искать Цукиёми и его пленника Сарутахико, главного из куницуками, стоит именно там.

Амацуками размешал чай в горячей воде, затем поставил чашку перед Эми.

– Острова лежат западнее, ближе к континенту.

Эми скрыла досаду за глотком горького чая, сдерживая желание выпить всю чашку залпом. Если этот остров так далеко, сумеют ли Широ, Юмэй и Сусаноо его найти?..

Опустив чашку на стол, Эми решила обойтись в разговоре без вежливого притворства:

– Зачем вы перенесли меня сюда?

Цукиёми обратил взор к океану.

– Изанами предпочтет, дабы я лишил тебя жизни. Однако я не желаю причинять своей сестрице новую боль, ибо – хоть мне сие и трудно понять – твои страдания для нее мучительны. Посему я оставляю тебя здесь, целой и невредимой, до солнцестояния.

– Солнцестояния? – повторила Эми, холодея отнюдь не от морского ветерка.

– После него опека тебе не понадобится.

– Потому что Изанами намеревается сойти по Небесному мосту, – встревоженно произнесла Эми. – Мне рассказала Аматаэрасу. Изанами разрушит мир и...

– Изанами не намерена вредить этому миру, – перебил Цукиёми.

– Но... разве вы не знаете, что случится, когда она явится в истинном теле? Она...

– Я прекрасно осведомлен, что это повлечет за собой, – спокойно прервал ее амацуками. – Сестрица видит лишь то, что будет утрачено, не приобретено.

– Приобретено? Но что...

– После явления Изанами в камигакари не будет нужды. Ты обретишь свободу дожить свои дни как простая смертная.

Сердце Эми пропустило удар. Больше не быть камигакари? И в день солнцестояния ее существование не прервется?

– Твое спасение – мой подарок сестре, – продолжил амацуками. – Со временем она все же узрит ценность сего будущего. Посему до солнцестояния ты останешься под моей защитой.

Эми молча открыла и закрыла рот, не в силах произнести ни слова.

– Оставь свое ревностное стремление выполнять любые приказы моей сестры. – Цукиёми сделал глоток чая. – Этот остров защищен барьером – таким, что не сумеют почуять и куницуками. Они увидят и ощутят лишь океан. Оставь надежду, что они тебя найдут. – Опустив чашку на стол, амацуками сложил руки. – Мои подданные здесь к твоим услугам. Предлагаю тебе за это время восстановить изможденное тело и дух. Оставайся в пределах дома. Мой шикигами не позволит тебе их покинуть и может навредить, если попытаешься.

– Шикигами? – слабо прошептала Эми.

– Водный дух, который тебя охраняет. Он будет следовать за тобой всякий раз, как ты переступишь порог комнаты. – Цукиёми вновь обратил взор к океану. – Полагаю, тебе хотелось бы принять ванну и поесть. Мой подданный вернется с тобой к спальне. Сообщай ему обо всем, что тебе потребуется.

Осознав, что прием окончен, Эми поклонилась и встала, слишком оцепеневшая, чтобы говорить. Спотыкаясь, она побрела обратно по каменной дорожке и остановилась перед ожидающим у дверей ками. Станный водяной змей следил за ней горящими глазами.

Барьер скрывал остров от ёкаев. Если она не найдет способ сбежать отсюда до солнцестояния, ей не придется умирать. Она сохранит жизнь, но утратит все, ради чего жить стоит.

Глава 6

Растянувшись на футоне, Эми уныло глядела в потолок.

Уже которую ночь подряд – четыре их прошло или пять? – ей снилось, как она тонет в неистовых волнах океана, как ее глотает водяной змей, как она горит заживо, пока вокруг бушует алое пламя, поглощая прекрасный дворец. Ей снилось, как ее живот взрезает острый клинок, и она падает под не знающим жалости серебряным взглядом.

Эми сбросила одеяла и скатилась с постели. Под шум прибоя за окном она надела простое кимоно из полного вещей шкафа и выскользнула из спальни.

В коридоре Эми ждал водяной змей. Когда она тихонько направилась к длинной лестнице, он скользнул следом. Цукиёми называл его водным духом, но Эми ассоциировала духов с ёкаями, а змей к ним явно не принадлежал. Чем бы он ни был, шикигами существовал лишь для того, чтобы ее стеречь.

Даже в тусклом свете нескольких ламп Эми с легкостью добралась до третьего этажа. За последние дни она обошла все поместье, проверила каждую комнату, каждый шкаф, выглянула из каждого окна. Просторный дом располагался на более высокой и ровной части крошечного островка, а на другой крутыми обрывами спускались к воде скалы.

Эми сдвинула в сторону дверь и ступила на широкий балкон. Беспокойный ветерок, свежий и прохладный, пощекотал ей лицо; погода на юге напоминала скорее позднее лето, нежели раннюю зиму. Эми потерла глаза, чтобы прогнать пелену кошмаров, ужасно уставшая раз за разом переживать воспоминания, которые не должна была увидеть.

Несмотря на иные тревоги, занимающие мысли, их общий с Юмэем сон оставался в ее памяти тяжким грузом. Широ рассказывал, что в давние времена Тэнгу был куда беспощадней, но узреть все своими глазами – совсем другое дело. Его дайтэнгу действовала не со зла – она заблуждалась, да, но не желала навредить, – и все же он ее убил. Эми закусил губу, вспоминая, как он сперва предложил клинок ей. Сэппуку, ритуальное самоубийство, когда-то было распространенным способом для посрамленных воинов спасти свою честь. А еще – вариантом казни.

В том сне она встретила и Широ, каким он был в прошлом. Как и в воспоминаниях Аматаэрасу, Инари одновременно и походил на Широ, и разительно от него отличался. Инари мало сочувствовал тому, что ждало Юмэя от рук Изанаги, даже насмехался над ним, – и все же предложил выход. Абсурдный, но тем не менее. А затем сжег замок Юмэя дотла.

Эми смотрела, как в водах океана отражается лунный свет. Острое одиночество терзало ее, соревнуясь с постоянной тревогой на грани паники. Время неумолимо утекало. Дни заточения, пугающе одинаковые, начали сливаться в один. Она не знала, как долго проспала под чарами Цукиёми или сколько уже прошло с тех пор, как проснулась.

И она ни на шаг не приблизилась к свободе.

Несмотря на обыск поместья, Эми не обнаружила ничего полезного. У маленького причала, который она заметила на противоположном берегу, не было лодок. В доме она не нашла ни оружия, ни лазеек для побега, ни подсказок, как именно Цукиёми удерживал над островом барьер.

Эми оглядела каменистый берег, в который раз всматриваясь в тени. Она оставалась здесь заперта, но не была единственной пленницей Цукиёми. Где-то здесь, на острове, был заточен и Сарутахико.

Около двух лет назад Изанами и паучья ведьма Джорогумо устроили засаду на куницуками гор. Ядовитый укус паучихи погрузил Сарутахико в бесконечный сон, а Изанами отдала бессознательного куницуками Цукиёми – стеречь до солнцестояния. В глубинах Цучи Узумэ

оберегала одинокий исцеляющий цветок редкого дерева и ждала, когда Эми спасет ее мужа из плена.

Сарутахико держали не в доме. Явно где-то на острове – но змей-страж без устали следовал за Эми, куда бы она ни пошла, поэтому за пределы дома она еще не ступала.

Эми походила туда-сюда по балкону. Даже если Широ, Юмэй и Сусаноо не представляют, где она, в конце концов они отправятся сюда в поисках Сарутахико. И ей нужно сделать так, чтобы они обнаружили этот остров. А для этого нужно пробить барьер.

Эми взглянула на яркую луну. Где сейчас Широ?.. Ищет ее или же сосредоточился на Сарутахико? Она не стала бы его винить за второй вариант. Спасти главу куницуками, единственного, кто может знать, как остановить Изанами и не дать ей открыть Небесный мост, куда важнее, чем освободить ее, Эми. Роль смертной девушки в этом противостоянии небес и земли подходила к концу. Как только она снимет с Широ последний виток онэнджу, единственной ее задачей останется лишь выжить.

Развернувшись, Эми прошла через двери балкона. Чтобы чего-нибудь добиться, ей необходимо выбраться из дома. А значит – проверить на себе, насколько опасен шикигами.

* * *

Эми прижала кончик кисти к половицам. Он плавно скользил по гладкому дереву, оставляя за собой черный след. Осторожно удерживая в руке чернильный камень, чтобы не расплескать жидкость и не испортить свои труды, она начертила последнюю линию и отступила на шаг.

Маругата раскинулся на всю ширину коридора. Эми знала лишь один вариант круга экзорцизма – простого заклинания, способного удержать попавшего в его пределы ёкая, – и не представляла, сработает ли он на духе стихии. Это ей вскоре предстояло выяснить.

Водяной змей наблюдал за ней, замерев в десяти шагах. Он не отреагировал, ни когда Эми украла кисть и чернила, ни когда она принялась расписывать пол. Эми подозревала, что кем бы этот дух ни был, его бесхитростное сознание не позволяло ему понять смысл ее действий – лишь препятствовать ей в попытках покинуть дом.

Оставив письменные принадлежности у стены, девушка в последний раз окинула маругата взглядом, а потом повернулась к двойным дверям в конце коридора. Когда она попытается уйти, случится одно из трех: змей преспокойно проползет по маругата, найдет иной выход из дома или застрянет в круге.

Глубоко вздохнув, Эми расправила плечи, встала поудобнее... и бросилась вперед.

Змей разъяренно зашипел. Оглянувшись через плечо, Эми увидела, как он ринулся напрямиком в круг. Линии засияли, и змей рывком остановился, корчась так, словно его прижало к полу.

Он все еще мог двигаться, но по крайней мере не преследовал ее. Эми распахнула дверь и выбежала наружу, где холодный ветер тут же принялся трепать ее волосы. Среди утесов таились глубокие тени, закатное солнце окрашивало океан алым. Дорожка из гравия вела на другую сторону острова.

Эми бросилась мимо обрыва к окутанной сумерками пристани. Она не знала, что ищет, но должна была найти хоть что-то – хоть какую-то подсказку о том, как Цукиёми создал вокруг этого места барьер.

Спуск становился все круче, и Эми поскользнулась. Размахивая руками, она схватилась за молодое деревце и чуть его не сломала. Узкие веточки в желтых, еще не опавших листьях, затрепетали, и Эми вдруг разглядела что-то позади них.

Это была развилка – и вторая тропинка исчезала за деревьями и валунами. Эми посмотрела на пристань в пятидесяти ярдах, не представляя, какой путь лучше выбрать. С досадой вздохнув, она побежала по второй.

За камнями притаилось ветхое хранилище. Гниющие доски, облупившаяся краска – за его состоянием явно не следили так хорошо, как за домом. С уколом разочарования Эми хотела уже возвращаться... как вдруг заметила на влажном гравии четкий след. Кто-то здесь недавно был.

Она взбежала по ступенькам крыльца и схватилась за дверь. С громким скрежетом створка неохотно сдвинулась. Внутри хлынул оранжевый закатный свет. Вдоль стен тянулись крепкие полки, полные ящиков и коробок – деревянных и фанерных, разбухших от излишней влажности.

Эми вошла, прикрывая рот рукавом. Хранилище было грязным, заброшенным – вот и все. Вдруг ее внимание привлекла стусившаяся в углу тень. На другом конце помещения обнаружилось отверстие в полу – лестница, ведущая под землю. Удивившись, что в такой старой постройке есть подвал, ведь они вообще были крайне редки, Эми взгляделась в сумрак. И увидела внизу голубоватое свечение.

Она с волнением шагнула на лестницу. На первой же ступеньке ее нога угодила в лужу и поехала. В отчаянной попытке удержать равновесие, Эми схватилась за ближайший ящик. Гнилое дерево оторвалось, и девушка рухнула на спину, а на голову ей посыпались отсыревшие, покрытые плесенью книги в кожаных переплетах.

Эми стряхнула с себя отвратительные фолианты, мельком просматривая полустертые названия. Свет из открытой двери упал на невзрачную обложку, озаряя едва заметное слово: «Шикигами».

Перепроверив, не показалось ли ей, Эми схватила крохотную книжечку и сунула ее под свой оби, а потом осторожно спустилась по скользким ступеням. Несмотря на тусклый свет внизу, ее окружила густая тьма. Вытянув одну руку вперед, второй Эми придерживалась за стену, пока лестница наконец не кончилась.

Тесноватое пространство внизу упиралось в тяжелую деревянную дверь. Нарисованный во всю ее ширину круг с незнакомыми рунами и символами излучал голубоватый свет.

По обе стороны двери высились две большие бочки с водой. Встав между ними, Эми повернулась к сияющим письменам. Защищенная комната, скрытая подальше от глаз. Быть может, именно тут Цукиёми держит Сарутахико?..

Эми сомневалась, что сумеет открыть дверь, защищенную такими чарами, но не хотела уходить, даже не попытавшись. Она осторожно коснулась сырого дерева ладонью.

Круг ярко вспыхнул. Эми отдернула руку слишком поздно – вода из бочек вскинулась с бурлящим ревом. От удара Эми не удержалась на ногах, а когда поднялась, вода взметнулась вместе с ней, окутав ее голову и грудь.

Она забилась в оковах жидкости, которая обвила ее, словно живое существо. Эми не могла ее стряхнуть, освободиться. Вода заливалась в нос и рот, приходилось сжимать горло, чтобы уберечь легкие, хоть они и пылали от недостатка воздуха.

«Шукусэй-но-тама!» – кричала Эми мысленно, пытаясь разрушить чары заклинанием очищения, но ки лишь тщетно трепетала внутри.

Упав на колени, Эми суматошно поползла к лестнице, однако вода, не разжимая хватки, принялась хлестать ее волнами. Перед глазами плясали пятна, легкие разрывались, а диафрагму сводило от необходимости вдохнуть.

Жидкость хлынула в горло, и Эми рухнула навзничь. Она тонула и не могла спастись.

Подвал затопило светом, и вода обрушилась на пол. Эми перекатилась на живот, кашляя и содрогаясь. Со слезящимися глазами, она заставила себя поднять голову.

У подножия лестницы стоял Цукиёми, его лицо утопало в тенях. Позади него, на ступенях, ждали двое ками. Один держал фонарь.

– Камигакари, – произнес амацуками, и в его глубоком голосе не прозвучало и намека на гнев. – Пойдем.

Он развернулся. Ками пропустили его вперед. Никто даже не оглянулся проверить, последовала ли Эми приказу. Она оттолкнулась от пола дрожащими руками. Лужа тем временем поползла по бочкам вверх и вновь их заполнила, оставив после себя лишь легкую сырость. Одежда Эми тоже оказалась почти сухой, несмотря на случившееся.

Прижимая ладонь к горлу, она на нетвердых ногах поднялась по лестнице. Цукиёми и его ками ждали снаружи; как только Эми появилась, амацуками стремительно зашагал по тропе, взметнув лапами одеяния. В доме он провел ее мимо уже почти смытого с половиц маругата.

Когда они добрались до спальни Эми, амацуками открыл дверь и шагнул в сторону.

– Пусть я надеялся, что сего не потребуется, отныне ты останешься в пределах этой комнаты. Все, что тебе может понадобиться, будут приносить мои подданные. Комнату не покидай.

Она сжала кулаки.

– Там заперт Сарутахико, верно?

Цукиёми указал на комнату ладонью, молча приказывая.

– Зачем вы помогаете Изанами? – настаивала Эми. – Как вы можете так предавать Аматэрасу?

После слова «предать» Цукиёми, которого, казалось, невозможно выбить из колеи, помрачнел. Однако выражение его лица тут же стало прежним, и недовольство сменилось задумчивостью.

– Пойдем, камигакари.

Эми проследовала за ним по коридору к маленькой комнатке с низким столиком в окружении подушек. Когда амацуками сел, Эми неохотно опустилась напротив него. Один из ками спешно ушел, повинаясь безмолвному жесту; другой остался за дверью.

Цукиёми отстраненно разглядывал свиток на стене. Эми боролась с желанием поерзать, ее нетерпение росло. Наконец ками вернулся. Как только он поставил на столик поднос, поклонился и ушел, амацуками заговорил.

– Ты веришь, – негромко произнес он, занявшись приготовлением чая, – что Изанами спустится в твой мир во всем великолепии и уничтожит его.

Он налил воду в чашки и размешал.

– Ты неверно понимаешь ее намерения. Изанами не желает ни упиваться властью над людьми, ни наблюдать за вашей гибелью. Она стремится спасти этот мир – леса и океаны, горы и небеса. Изанами жаждет спасти землю и всех ее обитателей – человечество в том числе.

Эми приняла протянутую ей чашку.

– Не понимаю.

– Изанами – амацуками земли. Она считает, что ей надлежит опекать сие царство, однако ее силы для этого уже не хватает.

Цукиёми помолчал и, закончив приготовление чая, сделал несколько глотков.

– Люди – странные существа. Они притко размножаются и, занимая все больше места, поглощают землю, на которой живут: истощают запасы, разрушают природу, загрязняют почву. Род людской страдает. Страдает земля.

Эми отпила из чашечки, удивленная его мрачным мнением о человечестве.

– Множество эпох тому назад куницуками поклялись отвергнуть власть и тем самым предпочли бездействие. Изанами, главнейшая защитница земли, обязана защитить сей мир, и для того ей необходимо куда больше силы, нежели она способна использовать через камигакари. Изанами видит сие как жертву, которую должна принести ради долга. Стоит ей сойти в это царство по Небесному мосту, и в Такамахару ей уже не вернуться.

Эми выпрямилась.

– Никогда?

– Стоит ей коснуться этой земли, Такамахара ее более не примет. Изанами приняла сей долг отнюдь не с легкостью и не для собственной выгоды. Что же она добудет, кроме изгнания?

Однако Изанами верит – это необходимо. Она сделает то, что должна, невзирая на то, чем сама же заплатит.

Эми сжала губы.

– А во что верите вы?

– Без вмешательства род людской приведет свой мир к гибели. И тем не менее, дабы это предотвратить, я не пошел бы по тому же пути, что избрала Изанами.

– Почему же вы тогда ей помогаете?

– Меня мало заботит судьба рода людского, – негромко проговорил Цукиёми. – Однако моя сестра... Аматаэрасу всегда проявляет к человечеству особое сострадание, ощущает нежную привязанность к вашему хрупкому и, зачастую, жестокому виду. Бесчисленные годы она наблюдала за людьми, направляла их, защищала... а ведь они умирают. Убивают себе подобных. Поддаются болезням или злодеяниям. Все это ранит ее, мою ласковую сестрицу. Ее переживания глубоки, и люди причиняют ей лишь боль. Скорбь человека длится всего несколько десятилетий, пока не наступит смерть, но для kami она вечна. Я сделаю все, дабы положить конец горю, которое все сильнее давит на плечи Аматаэрасу. Изанами покончит со страданиями рода людского, а следовательно – и со страданиями моей сестры.

– Но... но Аматаэрасу не станет лучше. – Эми стиснула чашечку в ладонях. – Она никогда не смирится с тем, что из людей сделают марионеток.

– Сестрица со временем поймет, что это лучший путь. Перемены наверняка будет сложно принять, но Изанами принесет роду людскому равновесие и мир.

– Но мы потеряем свободу воли, – в голос Эми прокрались нотки отчаяния.

– Печальная необходимость, – спокойно отозвался Цукиёми. – Человечество стало слабым и нечистым, лишь немногие по-прежнему стремятся сохранить гармонию природы. И в своей слабости их совращают жадность, похоть, страх, злоба. Дабы спасти собственный мир или даже самих себя им не хватает веры. Как и тебе, kamiгакари. Твою ki пронизывают сомнения, противоречия. – Выражение лица амацуками смягчилось. – Вина за то, впрочем, лежит на твоих учителях, не на тебе.

Эми вдруг ощутила внутри неприятную сосущую пустоту.

– О чем вы?

– Уже многие поколения храмы стремятся уберечь kamiгакари от развращения. Вместо того, чтобы возвращать в них чистоту, их прячут от соблазнов и даже невзгод. Сие дает сосуду выжить, однако какой ценой.

– Но... – Потрясение спутало ее мысли, и Эми с трудом подбирала слова. – Но разве не нужно избегать скверны?

– Чистота и нравственность – не равнозначны. Чистота рождается из искренних намерений, веры и твердости выбора. Когда кто-то действует с уверенностью, его ki чиста и сильна. Это, kamiгакари, и есть источник всей силы.

Голова Эми шла кругом от мыслей, которые противоречили тому, что ей всю жизнь твердили в храмах. И среди них вдруг возникло непрощенное, словно просочившееся из другой жизни воспоминание, и голос Широ тихонько проговорил: «Действия меняют наш путь, влияют на будущее, но намерения нас определяют, дают нам силу. Без них мы ничто».

Если истинный источник чистоты – намерения и убеждения, то почему же ее ki заражена сомнениями?

Эми вскинула голову.

– Все свои силы я направлю против Изанами. Так бы поступила и Аматаэрасу.

Цукиёми вздохнул и поднялся.

– Тебе пора возвращаться в комнату. Без моего приглашения не покидай ее.

Эми поклонилась, и он ушел. Ками, ожидавший в коридоре, сопровождал ее к спальне и закрыл дверь. Эми встала у футона, обхватив себя руками, и вслушалась в приглушенный грохот волн.

Храмы даже не упоминали, что путь к чистой ки – это непоколебимая уверенность, а вовсе не подчинение нормам морали. Если Цукиёми прав, гуджи Ишида намеренно окружил ее безопасностью, где ей было никогда не испытать свои силы, где ей никогда не грозила скверна. Однако теперь в храмах опасно.

Если ее ки и чистота и правда заражены сомнениями и противоречивыми чувствами, то она боялась, что прекрасно знает, откуда они взялись. И все же она не могла избавиться от тоски и одиночества, терзавших ее сердце. Закрывая глаза, она по-прежнему видела лицо Широ.

Глава 7

Пусть ни добраться до Сарутахико, ни обнаружить барьер вокруг острова не удалось, вылазка прошла не совсем уж зря: Эми тайком пронесла с собой книжицу из хранилища.

Мельком просмотрев влажные страницы, она взялась за кропотливую работу – чтение тех фрагментов, которые еще можно было разобрать. Остаток ночи и следующее утро она мучительно медленно продиралась через потускневший древний рукописный текст и делала пометки о самом главном при помощи принадлежностей, которые собрала во время предыдущих походов по дому.

Многие часы спустя она прислонилась спиной к стене и закрыла утомленные глаза, постукивая кончиком кисти по губам. Рядом лежал маленький листок, испещренный ее аккуратным почерком – все, что она выяснила про шикигами.

Узнать получилось не так уж много. В книге описывался ряд духовных искусств – шикигами в том числе, – но зато Эми наконец поняла, что из себя представляет водяной змей за ее дверью.

Шикигами были сосредоточением ки ками, которой дали облик. Ками мог управлять таким шикигами напрямую или же создать его ради выполнения определенной задачи. Например, в случае с водяным змеем, Цукиёми приказал ему следовать за Эми по пятам и не выпускать ее из дома. Согласно книге, ками использовали шикигами в основном для защиты своих хрупких человеческих вместилищ в бою, и призыв такого существа требовал особой подготовки.

Текст – вернее то, что от него осталось за годы пренебрежения – не упоминал ни одного способа уничтожить шикигами. Эми пожевала кончик кисточки. Маругата сработал, но она сомневалась, что сможет сбежать тем же способом второй раз. Теперь ее заперли в комнате, и вариантов стало еще меньше.

Символ, который Цукиёми нанес поверх ее метки камигакари, перекрывал доступ к силе Аматаэрасу. И пусть Эми уже несколько раз призывала ветер сама, она не очень понимала, как ей это удавалось. С тех пор, как она проснулась на острове, ни одна попытка обратиться к ветру не увенчалась успехом. Но что, если у нее получится использовать силу ветра иначе?

Внутри нее по-прежнему дремала ки Аматаэрасу, пусть Эми и не могла ее использовать напрямую. И, по словам Юмэя, ее собственная ки несла в себе частичку ками. Если она сможет создать собственного шикигами, она обретет шанс побороться за свободу.

Эми плюхнулась на futon и открыла книжицу на отмеченной странице. Процесс призыва шикигами лежал примерно на пересечении между созданием офуда и маругата. На листке белой бумаги рисовались три круга, а внутри них вписывались ключевые элементы – создатель, облик и приказ.

Книжица не была брошюрой с инструкциями, и создание шикигами в ней описывалось лишь в общих словах, без пошаговых указаний. Эми хотела управлять шикигами напрямую, но как это сделать, книжица не поясняла. Там вообще мало что объяснялось.

После того как ками принес ей обед, Эми разложила материалы на полу. Аккуратно нарисовала на листе три круга, вписала в них свое имя, а также слова «ветер» и «защищать». Она пришла к выводу, что начать стоит с приказа и, если ей удастся призвать работоспособного шикигами, дальше уже предстоит разбираться по ходу дела.

Чтобы оживить талисман, создатель запечатывал его кровью. Эми стало неудобно. Для экспериментов она слишком мало знала о такой опасной штуке, как магия крови. Но разве у нее был выбор?..

Когда после недолгих поисков в комнате не обнаружилось ничего похожего с ножом, Эми разбила чашку и выбрала самый крупный осколок. Вернувшись к листу с призывом, она зака-

тала рукав и коснулась острием предплечья. Царапнула кожу, подождала, перевернула руку. В средний круг упала маленькая капелька.

Эми задержала дыхание. Секунды утекали. Ничего не происходило.

Тихонько ворча, она еще раз просмотрела примеры призывов из книжицы. В некоторых содержались дополнительные символы, в других – нет. Эми прижала большой палец к крошечному порезу. Что, если каждую черточку нужно рисовать в определенном порядке, как в случае с маругата? В книжице такого сказано не было.

Эми экспериментировала с офуда шикигами целый день, но что бы ни писала, куда бы ни капала кровью, бумага не оживала. Окруженная смятыми листами, с замотанным окровавленной полоской ткани запястьем, девушка рухнула на фuton и забылась сном.

* * *

Шли дни, сливаясь в один, а она все силилась создать офуда шикигами. После каждой полудюжины попыток она вновь принималась рыться в книжице, отчаянно надеясь найти ту самую упущенную крупицу информации, которая объяснит, что она делает не так. Нужно ли произнести заклинание вслух? Или каких-то символов не хватает? Или она изображала их в неверном порядке? Ошибка могла закрасться куда угодно.

Эми оставалось лишь продолжать эксперименты. Сгорбившись над низким столиком с, наверное, сотым листочком, она потеряла лицо перепачканной в чернилах ладонью. За ее спиной, у двери, стоял нетронутый ужин, который давным-давно принес безымянный ками. Примерно через час он должен был вернуться за подносом и отвести Эми в ванную, что происходило каждый вечер.

Она занесла кисть над третьим кругом и осторожно начертила иероглиф, означающий «оберегать». Эми тщетно перепробовала уже с дюжину разных слов. Заранее предвидя провал, она взяла осколок чашки и взглянула на внутреннюю сторону предплечья. Заново вскрывать опухшие, покрасневшие ранки не хотелось, поэтому она выбрала еще нетронутое место и вонзила острие.

Руку прошила боль, проступила кровь – куда быстрее, чем раньше. По предплечью зазмеились алые струйки – поддавшись гневу, Эми сделала слишком глубокий порез. С недовольным шипением она уронила пару капель крови на бумагу, а затем схватила свой импровизированный бинт и прижала его к царапине.

Алое пятно впиталось в бумагу – и, как обычно, ничего не произошло.

Эми стиснула порезанную руку пальцами. Ее затопили досада и отчаяние, следом за которыми хлынула волна необъяснимого гнева. Невозможно! Все это просто невозможно! Изанами низойдет и разрушит мир, и Эми никак не сможет ей помешать.

К глазам подкатили злые слезы. Она резко затянула бинт, чтобы остановить кровотечение. Потом, схватив очередной листок – их осталось всего несколько, – шлепнула его на стол и макнула кисть в чернила. Уставилась на чистую бумагу, шумно выдыхая носом. Сколько уже дней она провела здесь, запертая и беспомощная? Бесполезная. Неумелая. Она не могла использовать силу Аматэрасу. Не могла взломать барьер Цукиёми. Не могла добраться до Сарутахико. Не могла сделать шикигами. Она не могла ни-че-го.

Ткнув кистью в лист, она резкими мазками вывела круг и свое имя. Затем второй круг и иероглиф ветра. И, наконец, третий... но с кончика кисти сорвалась клякса. очередной лист испорчен.

Закусив губу, чтобы сдержать полный досады возглас, Эми швырнула кисть на стол. Та скатилась к краю и со стуком упала на пол, прежде чем девушка успела ее поймать. Ткань вокруг порезанной руки размоталась и упала на украшенный кляксой талисман.

Схватив кисть, Эми положила ее нормально и вернула ткань на место. В пустом третьем круге осталось неаккуратное кровавое пятно.

Лица Эми коснулся ветерок.

Черные линии сияли.

Они вспыхнули ярче, и Эми отпрянула, и в ее груди запульсировало странное, тянущее ощущение. Ветер пронесся по комнате, а потом ударил с силой вихря. Эми пригнулась, закрывая голову руками; разбросанные по полу листки взметнулись вверх, со стены вдруг сорвался свиток. Низкий столик перевернулся, кисть и чернильный камень отлетели в сторону.

Сияющий листок завис в воздухе, и ветер окружил его, обретая форму.

Эми попятилась, затем встала на ноги. Перед ней парил смутный силуэт женщины; длинные пряди ее волос плясали вокруг, а внутри фигуры светился талисман. Пустое, лишенное черт лицо, словно в ожидании, обратилось к Эми.

Она с трудом сглотнула. От принявшего облик женщины вихря отделился ветерок, он потрепал простое синее кимоно девушки, потянул за волосы, попытался сорвать ленту. Маленький смерч кружил с тихим шелестом, похожим на шепот. Ветряная женщина была одного роста с Эми и с такой же длины воздушными волосами.

Эми шагнула ближе. Неужели это и правда шикигами?.. Но как же чары сработали? Она ведь даже не закончила талисман. Круг с приказом остался пуст. Если только... может, именно так и создавались шикигами, которыми можно управлять напрямую?

Ее охватил восторг. Она призвала шикигами. Получилось! Но получится ли им управлять?..

Повернувшись к двери, Эми взмахнула рукой.

Смерч обернулся воющим порывом, и женская фигура в его центре ударила в створки. Дерево плюнуло осколками, треснуло и вылетело в коридор с оглушительным грохотом. Эми застыла, раскрыв рот. А потом бросилась к порогу.

Ее шикигами парила у комнаты, а в нескольких футах от нее угрожающе разинул текущие челюсти и зашипел водяной змей. Понятия не имея, что именно она делает и что вообще случится, Эми вскинула руку в сторону змея.

И женщина-шикигами вновь помчалась к цели. Вихрь и змей столкнулись. Змей не выдержал, вода брызнула во все стороны, но затем быстро стеклась обратно. Ветер и вода закружились в диком танце.

Эми стиснула дверной косяк, пораженная битвой стихий. Ками услышали грохот? Спешат ли уже сюда? Нельзя тут задерживаться. Шипящий змей корчился и извивался в тщетных попытках уничтожить ветряного шикигами, и Эми вдруг впилась взглядом в сияющую точку внутри него – бумажный талисман, придающий ему облик.

Ее шикигами вновь приняла вид женщины. Она вытянула руку, и та превратилась в воздушный клинок. Один выпад – и он пронзил сердце змея.

Вода безжизненно обрушилась на пол, и следом упал разрезанный пополам прямоугольник бумаги. Это Эми такое приказала?..

подавив дрожь, она поспешно повернулась к комнате. Счет шел, в лучшем случае, на минуты. Метнувшись к шкафу, Эми цапнула с полки хлопковый оби и бросилась бежать.

– Идем! – крикнула она шикигами.

С вихрем за плечами Эми неслась по коридорам, то и дело поскользываясь на гладком деревянном полу из-за носков-таби. Если бы не ежедневные вылазки, она даже не представляла бы, куда направляться, и, к счастью, до заточения в комнате успела запомнить весь план дома. В задней части поместья она распахнула стенной шкаф и схватила с нижней полки большую металлическую банку.

– Камигакари!

Из кухни широким шагом вышел ками, длинное хаори развевалось за его спиной, словно шлейф. Он с суровым видом направился к Эми, но она лишь крепче стиснула добычу.

– Тебе не дозволено... – Ками взглянул на сияющий талисман в ее почти невидимом шикигами. – Это...

Сотканная из ветра женщина с воем обратилась в ураган и пронеслась мимо Эми. Ками не успел даже вскинуть руки – воронка захватила его и вспыхнула белыми лезвиями.

Затем шикигами скользнул обратно, оставив жертву в растекающейся луже крови на полу. Эми отшатнулась, зажимая рот ладонью – от подобного зрелища желудок угрожал вывернуться наизнанку. Она провернулась к шикигами. Пустое лицо выжидающе на нее смотрело, ветер продолжал шептать.

Она такого не приказывала. Почему шикигами действовал без приказа?

Содрогнувшись, Эми напомнила себе, что дух ками вернется в Такамахару целым и невредимым, а человек, тело которого он занимал, давным-давно мертв. Обогнув лужу крови, Эми бросилась бежать. Шикигами полетел следом.

На третьем этаже дома Эми бросилась к уже знакомым двойным дверям. Открыть их она не успела – женщина-шикигами с ревом ринулась вперед и распахнула их, являя темный сад камней и беседку. В дом ворвался холодный, резкий порыв ветра с запахом соленой воды. С ярко сияющим внутри нее талисманом шикигами впитал его в себя, теряя облик женщины.

Эми осторожно обошла смерч, не уверенная, насколько она им управляет – и управляет ли вообще. Спрыгнув на каменную тропу, Эми выбежала на середину сада. Поставила банку за землю, сорвала с нее крышку и увидела внутри поблескивающую жидкость – лампадное масло. Эми свернула оби в плотный жгут и засунула его в банку, оставив снаружи один конец.

Стряхнув масло с руки, она схватила висящий у двери фонарь и сорвала с него абажур из бумаги и бамбука. Забрала из него блюдечко с маслом и горящим фитильком, вернулась вместе с ним к банке. Вытащила оби, размотала его, разбрызгивая масло по песку. А когда десятифутовый пояс расправился во всю длину, глубоко вздохнула и поднесла к нему фитилек.

По ткани прокатился огонь, и жар ударил Эми в лицо. Загорелись даже капли на песке.

Эми подбросила оби вверх. Шикигами подхватил его и взметнулся к небу. Ткань и огонь трепетали, поднимаясь все выше ослепительной алой полосой в черном небе без звезд. Эми наблюдала, стиснув кулаки. Когда пояс превратился в маленькую яркую точку, шикигами ринулся обратно к земле. Пламя мерцало, словно крохотное солнце, и парило, словно воздушный змей.

И вдали, сотрясая небеса, зарокотал гром.

Глава 8

Сердце Эми пропустило удар. Плающую ткань, ослепительный маяк в ночи, было видно на многие мили. А внезапный гром среди безоблачного неба мог вызвать лишь куницами бури. Сусаноо увидел ее знак, и он спешил к острову – как она надеялась.

Раздался еще один раскат, и на западе темноту взрезала молния.

От созерцания Эми отвлек топот. У обломков двери, не сводя глаз с шикигами, замер еще один ками. Он поднял руки, и его ладони замерцали.

К нему устремился воющий вихрь. Ками создал сияющий щит, и ветер ударил в него. Оттеснив ками вместе со щитом на шаг, шикигами окружил их собой.

В сад ворвались ветра с океана. Они тянулись к шикигами, питали его. Смерч пронзительно выл, взметая с собой песок.

Колючие песчинки жалили кожу, и Эми рухнула на колени, прикрывая голову руками. Натяжение под ребрами усилилось до боли, словно невидимая ладонь стремилась вытащить ее сердце наружу. Эми почти различала слова в яростном голосе ветра.

Смерч утих, песок опустился, и она осторожно подняла голову. Второго ками, несмотря на попытку защититься, постигла та же судьба, что и первого. Шикигами завис неподалеку, и сердце Эми при виде него в страхе заколотилось. Плотный вихрь с сияющим талисманом внутри значительно увеличился в размерах, поглотив ветра океана.

Эми, пошатываясь, встала. Сусаноо в пути, она должна в это верить. И когда он явится, им придется бежать с этого острова как можно быстрее – или столкнуться с непомерной мощью амацуками.

Внизу, в трех этажах, тропа вела к хранилищу, где держали Сарутахико. Эми глянула на шикигами.

– Ты меня поймаешь?

Окруживший ее шепот, казалось, убедил в этом, а ласковый ветерок коснулся лица. Сглотнув ком, Эми бросилась к противоположному краю сада и прыгнула.

Порыв ветра с легкостью поднял ее над перилами беседки. Эми стремительно рухнула вниз, к камням, давясь криком. Вихрь подхватил ее, она приземлилась на тропу и тут же побежала. Гравий колотил одетые в тонкие носки ноги, но Эми, не обращая внимания на боль, миновала развилку.

Перед ней возникло хранилище, и шикигами в который раз ринулся вперед. К нему вновь хлынули ветра океана, и он стал еще больше. Вихрь обрушился на хранилище и со скрипом ломающегося дерева сорвал его с фундамента.

Эми осыпало обломками, и она опять прикрыла лицо. Останки хранилища разметались по камням, озаренным светом поместья. Вокруг Эми трепетали страницы сотен изорванных книг.

Неужели она и правда создала столь разрушительную силу? Неужели ее ки была настолько мощной, что могла питать такого ошеломляющего шикигами, или происходило что-то иное?

И, что бы ни происходило, как она им управляет?

Эми поспешила к шикигами. Тот скрывал под собой весь фундамент хранилища. Ветер поутих, когда она приблизилась, и открыл для нее проход вглубь смерча. Эми, спотыкаясь об обломки полок, прошла к ступенькам. Шикигами сжался, вновь принимая облик женщины, и последовал за ней вниз.

Под землей Эми вновь оказалась перед дверями с сияющими символами. Вода в бочках невинно мерцала.

Эми неуверенно подняла ладонь в указующем жесте.

Шикигами врезался в двери. Символ ярко вспыхнул, но вихрь просто-напросто выломал деревянные створки. Эми успела заметить небольшую комнатку, пустую, за исключением простого футона и фигуры на нем.

А затем вода ожила.

Эми рухнула на пол, вновь оказавшись в удушающих оковах. Она в отчаянии пыталась сорвать воду с лица руками, чтобы вдохнуть; вихрь бушевал вокруг, однако тоже не мог сдвинуть упрямую жидкость с места. Шикигами, развернувшись, снес потолок над ними.

Перед глазами темнело, легкие горели. Эми обмякла, держась за горло.

– Довольно.

Вода утекла прочь. Эми лихорадочно хватала соленый воздух. Шикигами притих.

– Камигакари, что ты создала?

Она оттолкнулась от пола и села, остро осознавая, что позади нее та самая комнатка, где лежит неподвижный силуэт – Сарутахико. Ее мышцы подрагивали, натяжение под ребрами пульсировало все быстрее, а глухая боль становилась все хуже.

На вершине ступенек стоял Цукиёми в окружении двух водяных змей.

– Что ты создала? – повторил он вопрос.

– Это... – Эми закашлялась, слишком охрипшая. Она хотела встать, подготовиться к сражению, но ноги по-прежнему отказывались ее держать. – Это шикигами.

– Нет. – Ветер потянул его пронизанные серебром темные пряди. – Шикигами – это воплощение ки и воли ками. Твое создание привязано к твоей ки, но не к воле. У тебя нет над ним власти. Ты должна отпустить его. Сейчас же.

Эми напряглась.

– Я не собираюсь...

– Оно тебя убивает. Набирает силу, поглощая твою ки. Ты должна изгнать его, прежде чем погибнешь.

Эми опустила взгляд на свои дрожащие руки. Тянувшее ощущение в груди с каждым мгновением терзало ее все сильнее. Ветер нашептывал ей что-то, странно успокаивающе, словно говорил не слушать, не переживать.

Во тьме наверху небо расколол оглушительный треск грома. Ветры океана задули сильнее, шикигами встревоженно затрепетал. Цукиёми взглянул вверх, затем вновь сосредоточил внимание на Эми.

– Отпусти свое создание, камигакари, прежде чем оно тебя уничтожит.

– Не могу, – охнула она, с трудом пытаясь встать. Мягкий порыв подтолкнул ее в спину, поддерживая. – Я должна спасти Сарутахико.

– Если я обращаю против тебя свою мощь, для твоей защиты ветер продолжит поглощать твою же жизнь. Тебе меня не победить, даже с этим чудовищем. Отпусти его.

– Нет.

– Я стремлюсь тебя защитить. Если не прекратишь, погибнешь.

– Спасением моей жизни ты все равно не заслужишь прощение Аматаэрасу! – прокричала Эми, сжав кулаки от внезапной ярости. – Я лучше умру в бою, чем сдамся!

Темные глаза Цукиёми распахнулись шире.

Эми вскинула руку в его сторону, и смерч взорвался. Змеи по бокам амацуками пришли в движение, окружили его защитным барьером, в который ударили порывы ветра, терзая воду.

Шум океана перестал быть мерным. Из-за скал за спиной Цукиёми поднялась цунами. Гигантская волна выгнулась над ним и обрушилась на Эми. Ее шикигами отпрянул, сгустившись вокруг нее. А она бросилась к неподвижному Сарутахико и накрыла его собой, пока на них изливался океан.

Ветер упрямо взвыл, и ребра Эми пронзила боль. Смерч вывернулся наружу, отбил воду, не дав ей коснуться Эми, разросся до ревущего урагана, достающего до туч. В ее груди вспыхнул огонь, и она согнулась пополам, стискивая ворот кимоно.

Сквозь облака прорвалась молния, удар грома заглушил грохот волн и вой ветра.

Над ними встала еще одна цунами и обрушила на ветряного шикигами свой непомерный вес. Эми закричала от мучительной боли – той самой, с которой из тела выпивали ее ки, ее жизнь. Шикигами питали неустойчивые ветра океана, но его существование поддерживала именно ки. И чем сильнее становился шикигами, тем быстрее слабела Эми.

Чужие голоса шептали слова, которые она не понимала. Воющий ураган побелел от бурлящей до пены воды, закрыл собой все. Окруженная темнотой, оглушенная ревущим ветром, Эми съежилась и обхватила руками грудь, словно могла так удержать свою жизнь.

Остров сотрясся, гром ударил прямо над ними. Вспышка – и за темным вихрем, окружившим ее, скользнула гигантская тень. Эми словно во сне наблюдала за длинным змеиным телом, что двигалось со злобной грацией в окружении молний.

Дракон.

Сусаноо здесь. Эми отстраненно задумалась, стоит ли ей и в самом деле остановить своего шикигами. В груди билась боль. Было так трудно дышать. Откуда-то из-за вихря донеслись звуки... голоса? Ее кто-то звал? Ураган придвинулся ближе, шепот ветра зазвучал в ее голове, заглушая собой все остальное. Агония ушла на второй план, мысли смешались.

– Эми.

Она содрогнулась. Это сон. Или галлюцинация. Или она и вовсе уже умерла. Потому что он просто не мог здесь оказаться.

– Упрямо не обращаешь на меня внимания, малышка-мико? – Пальцы мимолетно задели ее щеку, мягко потянули за прядь волос. – Признаюсь, я-то ожидал приветствие потеплее.

Эми с трудом разлепила веки, прищурилась во тьме бушующей стихии.

– Широ?..

Он опустился рядом с ней на колени, почти невидимый в полумраке, но она ни с чем бы ни спутала его блестящие алым глаза. Широ поймал ладонь Эми, теплыми, сильными пальцами унял ее дрожь.

– Кажется, ты влипла в небольшие неприятности, а?

– Широ...

Эми потянулась к нему. Он подхватил ее с земли и устроил у себя на коленях, обвил руками. Она вдохнула его знакомый запах, и по ее щекам полились слезы.

– Нужно отпустить чары, Эми.

– Не могу. Я ими не управляю.

– Ты создала, значит, ты можешь и уничтожить.

Ураган завыл еще неистовее, и грудь Эми пронзил жар. Ветер хлестал их с пугающей силой, почти вырывал Эми из хватки Широ. Он крепче прижал ее к себе.

– Эми, – с нажимом произнес он, – твое время на исходе.

Широ был прав. Слабость обрушилась на нее весом целого океана. Легкие сдавило, что-то влажное упало на щеку – капля воды стекла к уголку рта. Язык ужалило резким металлическим привкусом.

Не вода. Кровь. Но откуда?..

– Прости, Эми, – с болью произнес Широ, коснувшись ее горла, и скользнул пальцами к метке камигакари. – Иного способа нет.

Она растерянно нахмурилась, чувствуя, что голова кружится все сильнее. А затем под ладонью Широ вспыхнула раскаленная боль.

Эми закричала, извиваясь от терзающей груди агонии. Широ не разжимал хватку, выжигая ей плоть, продолжая пытку, которая раздирала ее на части изнутри.

В Эми вдруг хлынула знакомая горячая ки. Свободная от печати Цукиёми мощь Аматаэрасу затопила ее разум и тело.

– Аматаэрасу! – встревоженно крикнул Широ.

Сила, не принадлежащая ей, заполнила слабые мышцы. Голова Эми сама собой поднялась, вгляделась в бушующий вокруг них ураган. Рука вскинулась вверх, и в ладони вспыхнул обжигающий жар.

Буря мгновенно утихла. С неба тут же рухнули грязь и песок. Бумажный талисман завис в пятидесяти футах над землей.

Широ тоже вскинул руку, повторяя жест. С его пальцев сорвалось пламя – и, ярко вспыхнув, поглотило бумагу.

Болезненное натяжение в груди пропало, осталось лишь пульсирующее жжение метки камигакари. Вокруг, скрывая за собой все, парили клубы пыли. Присутствие Аматаэрасу ускользало. Эми со слезами на лице взглянула на Широ.

И острое потрясение вдруг притупило ее собственную боль.

От его щеки вверх, исчезая в волосах, тянулся глубокий порез. Лисье ухо было изорвано, белый мех окрасился алым. С челюсти мерно капала кровь.

– Широ...

Голос Эми сорвался: отшатнувшись, она увидела его порванное в клочья косодэ. И дюжину ран, покрывающих тело.

Из пыли вынырнул Юмэй с черным копьем в руке.

– Так ты выжил, – отметил он.

– В общем и целом, – отозвался Широ как ни в чем не бывало.

– Но... что... – задыхаясь, пролепетала Эми.

Ее руки замерли над ним, не касаясь. Кровь текла буквально отовсюду.

– Мы предупреждали, что смерч тебя растерзает. – Юмэй стремительно прошел мимо них и опустился на колени рядом с неподвижным Сарутахико.

Эми оцепенела от ужаса. Неужели Широ пострадал из-за ее шикигами? Из-за нее? Легкие сдавило от обилия нахлынувших чувств.

Широ, глянув на нее, улыбнулся:

– Ну, в конце концов, я истекаю кровью не зря.

За редющими клубами пыли появилась еще одна тень, и Эми вновь охватил страх. В нескольких ярдах стоял Цукиёми со своими змеями-шикигами.

Широ тоже поднял взгляд. При виде амацуками он склонил голову набок.

– И что теперь, Цукиёми?

Стоило его имени прозвучать, как теплая сила, что почти успокоилась внутри Эми, опять разгорелась. Ее второй раз затопила ки Аматаэрасу, безудержная, словно бурлящий прибор. Забрав у Эми власть над телом, Аматаэрасу оттолкнулась от Широ и поднялась на ноги.

– Братец, – прошипела она, и единственное слово оказалось исполнено гнева. – Как ты смеешь?

– Аматаэрасу... – начал Цукиёми.

– Как ты смеешь! – ветер взвыл, поднимаясь вновь. – Ты меня предал, и все же веришь, что спасением моей камигакари заслужишь прощение?

Цукиёми напрягся, его непоколебимое спокойствие дало трещину под гнетом ярости сестры.

– Я стремлюсь лишь оградить тебя от страданий. Ты должна понимать.

Она шагнула ближе, и вокруг нее захлестнулись порывы ветра.

– Страдать – значит жить. Стремиться, сражаться – значит познать страсть. Во имя спокойствия ты лишил бы меня и того, и другого. Твоя трусость мне отвратительна, Цукиёми.

Он вздрогнул.

– Что есть вечность спокойствия? – осведомилась Амата́расу, сделав еще шаг. – Что есть вечность безжизненного, бесстрастного существования? Ты меня не защищаешь – а обрекаешь!

Она вскинула в его сторону руку, и Эми затопило ее яростью.

На запястье сжались пальцы. Невзирая на свои раны, Широ встал перед ней, загоразивая Цукиёми.

– Довольно, Амата́расу. Отступи, пока не рухнула из Такамахары.

– Она – моя камигакари! – рывкнула Амата́расу в бесконтрольном гневе. – Я низойду, когда посчитаю нужным.

В глазах Широ что-то вспыхнуло. Он не шелохнулся, но его поведение вдруг изменилось – заходили желваки на скулах, во взгляде сгустились тени. И перед ней уже стоял не Широ.

А Инари.

– Не искушай меня, Амата́расу, – угрожающе промурлыкал он. – Станешь мне опять перечить, и я сорву твое сердце с небес.

Гнев Амата́расу дрогнул, разбавленный неуверенностью и долей страха. Она вскинула голову, взяв себя в руки, и вновь поддалась ярости.

«Амата́расу! – вскричала Эми; буря чувств амацуками разрывала ее разум на части. – Прошу!»

Амата́расу обратила внимание вглубь себя, и Эми ощутила миг, в который богиня о ней вспомнила – вспомнила о том, что с ней происходило. Ее окутало вспышкой света, и дух Амата́расу отступил.

Пламя божественной ки угасло, из тела ушла сила. Эми пошатнулась, и Широ – Инари? – притянул ее в объятия. От слабости голова шла кругом, и Эми с трудом ее подняла. Ей было нужно увидеть его лицо.

Она впервые – не в чужих воспоминаниях, а в действительности – взглянула в древние глаза куницуками огня.

Ее сердце бешено колотилось в груди. Его непроницаемый взгляд пронзал ее насквозь, до самой души и даже глубже. Он был точно таким же, как ёкай, которого она знала, и все же совсем другим. Знакомый чужак.

Отчаянное желание коснуться его лица, дотянуться до губ и проверить, отличается ли его поцелуй от поцелуя Широ, потрясло ее. Щеки окрасились румянцем. Она могла отреагировать как угодно, так почему же первой мыслью оказалась именно эта?!

Он склонил голову, и на его лице мелькнуло нечто странное.

– Сусаноо, – позвал Юмэй, заставив Эми вздрогнуть от неожиданности, – пора уходить.

Инари, тоже вздрогнув, повернулся к Юмэю – и через миг снова стал прежним Широ. Древняя сущность отступила, куницуками погрузился в дрему среди забытых воспоминаний.

Черные тучи зло зарокотали. Огромная молния, сорвавшись с неба, ударила в камни за обломками хранилища.

Когда ослепительный свет угас, на валунах, свернув длинное тело кольцами, устроился великий дракон бури – истинный облик Сусаноо. Серебряные чешуйки блестели, из трещинок между ними лилось сияние. Вдоль спины изящно изгибались шипы, серебряная грива с темно-синей прядью ниспадала вдоль трети тела, узкую голову венчали рога.

Сапфировый взгляд скользнул по Широ и Эми к Юмэю, который закинул руки Сарутахико себе на плечи, поддерживая безжизненного куницуками. А потом дракон обратил внимание на Цукиёми – и оскалился, показав жуткие острые зубы.

Цукиёми смотрел на дракона под грохот прибоя и рокот набирающих силу небес. А затем амацуками склонил голову.

– Вам удалось спасти камигакари. Я не желаю вражды. Поступайте, как сочтете нужным. – Взгляд его темных глаз устремился на Эми, и на непроницаемом лице отразилось поражение.

Он развернулся и в сопровождении своих змей-шикигами направился к поместью.

Сусаноо поводил головой, словно размышляя над следующим шагом, а затем подался ближе. Когда Эми увидела дракона впервые – издалека, на фоне невероятного восьмиглавого Орочи, – он не казался настолько большим.

Она ошибалась. Он был громаден.

Сусаноо вытянул переднюю лапу, раскрыв смертоносные когти, и осторожно подхватил Широ с Эми. Другой лапой он забрал Юмэя и Сарутахико. А потом – взмыл в небо, и его длинное тело легко заскользило на воздушных потоках.

Плотно прижатая к Широ в драконьей хватке, Эми уткнулась в его плечо и стиснула в кулаках окровавленное косодэ. И, пока они неслись к облакам, а шум волн пропадал вдали, по ее щекам струились слезы.

Глава 9

Сусаноо летел без остановок. Внизу были только облака, вверх – звезды, и Эми утратила ощущение времени и расстояния. Она прижималась к Широ, пряча лицо от ледяного ветра. Грудь нещадно пылала.

Утомленные мысли путались, она заметила мир вокруг, лишь когда нутро оборвалось. Они падали. Огромный дракон устремился вниз, теряя высоту, и Эми с вялым удивлением заметила, что облака под ними рассеялись, открыв длинную долину среди заснеженных горных вершин.

Сусаноо на ошеломляющей скорости несся спиралью к земле. И, когда она стала еще ближе, звезды озарили густой туман внизу. Знакомый настолько, что у Эми по коже пробежали мурашки.

Дракон выровнял полет у верхушек деревьев, всколыхнув клубы тумана, и помчался над лесом. Когти его сжались, и Широ притянул Эми еще ближе к себе.

Деревья под ними пропали. Эми заметила мерцающую воду на знакомой поляне, полной зеленой травы и цветов. Сусаноо выгнулся, взмыв в небо, а затем вновь ринулся к земле.

Они не замедлялись. Им навстречу неслась зеркальная поверхность пруда, кожу Эми покалывало от холодной магии, и гладь пруда странно мерцала.

Нос дракона с громким плеском ударился о воду, и Сусаноо нырнул в пруд головой вперед, унося с собой остальных. Приготовиться к столкновению с дном Эми не успела – их окружила вода, и магия окутала ее тело, стремясь вытолкнуть ее наружу. Сусаноо устремился глубже, и все вокруг постепенно стало мерцать бирюзой.

Эми попала в тиски ледяной магии. Воздух стухнул, в глазах потемнело, дышать стало тяжело. А потом давление исчезло, и Сусаноо опустился на землю, по-прежнему сжимая Эми и остальных в когтях. Они вновь оказались под странным, но уже знакомым разноцветным куполом.

Узумэ, прекрасная куницуками леса, вышла из переливающейся радуги и поспешила к ним, вытянув руки.

– Вы справились, – выдохнула она. – Справились!

Сусаноо разжал когти, выпуская Юмэя и Сарутахико. Юмэй перехватил бессознательного куницуками поудобнее, и Узумэ прижала ладони к щекам мужа.

– Сюда, скорее. Ночь на исходе, и как только луна уйдет, цветок закроется.

И она повела их обратно в мерцание цвета.

Сусаноо заворчал – звук этот скорее напоминал рокот грома, нежели рычание, – а затем осторожно выпустил Эми и Широ. Ноги девушки подкосились, но Широ успел вновь прижать ее к себе.

Дракон покачал головой и фыркнул. По его чешуе пробежал потрескивающий разряд электричества, свечение внутри него вспыхнуло ярче, а его тело окутали взявшиеся из ниоткуда тучи. Когда они рассеялись, дракон исчез, и на его месте появился Сусаноо в человеческом облике, одетый в привычное синее одеяние, с длинным клинком на бедре.

Он размял плечи, а потом шагнул к Эми, вглядываясь в ее лицо.

– Так глубоко в Цучи тебе наверняка придется нелегко, – заметил куницуками, – но барьера Узумэ должно хватить. – Он бросил взгляд на Широ. – А ты, Инари? Как погляжу, все еще дышишь.

Широ беззаботно пожал плечами:

– Ну, потерял чуток крови. Меня этим не убить.

– Чуток? – слабо прошептала Эми, окинув взглядом его окровавленное лицо и окрашенную алым одежду.

Пропустив вопрос мимо ушей, Широ повел ее за Узумэ и Юмэем. Сквозь пляшущие цвета показался силуэт: огромный ствол поваленного дерева, которое по приказу Изанами уничтожил неизвестный ёкай. Из обломков пня, по-прежнему цепляющегося корнями за землю, рос крошечный побег с горской листочков на тоненьких веточках. На голом стебельке покачивался единственный белый цветок.

У широкого пня лежал Сарутахико, над ним склонилась Узумэ. Юмэй сидел рядом, пристально наблюдая. Они закрывали главного из куницукми, не давая Эми увидеть его лицо. Рассмотреть его раньше она не успела и знала лишь то, что он высок и широкоплеч.

Когда к Узумэ и Юмэю присоединился Сусаноо, Широ отвел Эми в сторону, вдоль ствола, и осторожно усадил, заставив откинуться на грубую кору. Опустившись на корточки, он обхватил ее подбородок пальцами и заставил поднять лицо, чтобы рассмотреть его получше.

– Широ, – прерывисто выдохнула Эми и, подняв дрожащую руку, прижала ладонь к его здоровой щеке. – Я думала, что больше тебя не увижу.

Он погладил ее скулу большим пальцем.

– Мы тебя искали.

– Знаю, – прошептала она. – Цукиёми сказал, что скрыл остров барьером. Поэтому...

– Поэтому ты зажгла для нас пламя? Умно. – В глазах Широ мелькнуло нечто темное, опасное. – Он тебе что-нибудь сделал?

– Нет, не сделал. Что случилось, когда... когда вы прибыли?

– Ну, это было определенно бесподобно. – Легкое веселье смягчило его черты. – Творилась полная неразбериха, пока мы наконец не поняли, что ты в опасности и что Цукиёмии пытается не сражаться с нами, а помочь тебе.

Грудь заныла. Эми так и не проверила, насколько сильно Широ ее прижег, чтобы уничтожить печать на метке камигакари.

– Широ, ты... – Она сглотнула, боясь услышать ответ. – Ты нашел Бьякко?

Он снова помрачнел.

– Да. Поскольку, пока он помогал нам, пострадало его дитя, Сусаноо решил его пощадить. Пока что.

Пусть Широ явно не был согласен с вердиктом Сусаноо, Эми все же немного расслабилась, напряжение слегка отступило.

– Я рада, что ты ему не навредил. Он лишь защищал сына.

– Я не говорил, что не вредил. Мы просто его не убили. – Широ отпустил ее подбородок и, плюхнувшись рядом, прислонился спиной к поваленному стволу. – Ну, думаю, все прошло неплохо. Более того, за вычетом этого твоего неуправляемого урагана смерти, ты вполне хорошо справилась.

Эми слабо улыбнулась.

– В следующий раз обойдусь без урагана смерти. Думаю, я не гожусь для создания шикигами.

– Если его вообще можно было назвать шикигами, – фыркнул Широ. – Безграничная сила стихии, обладающая собственной волей – это как-то страшновато.

– Ага, – пробормотала Эми, смущенная столь провальной попыткой призыва.

Она неуверенно потянулась и нашла его ладонь.

Широ обхватил пальцы девушки своими, теплыми и сильными, и дернул в ее сторону здоровым ухом.

– Сусаноо и Юмэй были уверены, что ты мертва. Мы не могли представить ни единой причины, зачем Цукиёми сохранять тебе жизнь.

Эми провела большим пальцем по его костяшкам.

– А ты?

– На берегу реки не было крови. Не было тела. Они тебя забрали. Зачем забирать, если бы тебя хотели просто-напросто убить? – Широ взглянул на их переплетенные пальцы. – Юмэй и Сусаноо твердили, мол, я дурак, раз настаиваю, что ты жива. Обязательно им это припомню попозже.

Эми устроила голову у него на плече. Касание его ладони успокаивало, пусть тело болело от усталости, ожог пульсировал, а ноги ныли от беготни по камням в одних носках.

Перед глазами вновь возник образ того, как меняется лицо Широ и его место занимает Инари. Как древние глаза пронзали ее до глубины души. Что он в ней видел? Что искал?

– Широ, что... – Эми умолкла, утратив смелость. Она боялась спрашивать, помнил ли он, как встал перед Аматаэрасу, будучи Инари. Или забыл, как все те разы, когда на миг наружу являлось его прежнее я?

Его плечо напряглось, и Эми подняла голову. К ним приближалась Узумэ, следом за ней скользил Юмэй. Сусаноо остался у пня, приглядывать за Сарутахико.

Широ отпустил пальцы Эми и напрягся еще сильнее. Богиня опустилась перед ними на колени, а потом без слов заключила Широ в крепкие, сердечные объятия. Он прижал уши к голове и отвернул лицо, не отталкивая Узумэ, но и не шибко радуясь подобной близости.

– Инари, – тихо произнесла Узумэ. – Как же давно мы не виделись.

Она выпустила Широ и негромко рассмеялась, заведя его недовольное лицо.

– Не беспокойся, мой дорогой лис. Сусаноо поведал мне, что ты утратил память. Я не буду больше терзать тебя объятиями, пока ты не вспомнишь, что вполне с удовольствием принимаешь мою материнскую привязанность.

Его уши, даже раненое, еще сильнее прижались к голове, а сам Широ в кои-то веки потерял дар речи.

Узумэ обхватила ладони Эми, ее золотые глаза сияли теплом.

– Дитя мое, я не могу передать всю благодарность словами. Даже отправляя тебя в путь, я боялась, что все тщетно. И вот ты здесь, и ты вернула моего возлюбленного.

– Простите, что так долго, – пролепетала Эми, краснея от похвалы из уст куницуками.

– Времени еще достаточно. Его ки уже пробуждается, вскоре проснется и он. – Узумэ скользнула ладонью за пояс оби. – Но прежде позволь мне унять твою боль. Открой рот, дитя.

Эми удивленно моргнула и неуверенно послушалась. Узумэ извлекла маленький сияющий лепесток, приложила его к языку Эми – и у той во рту расцвела сладость. Через несколько мгновений Узумэ забрала лепесток. Эми облизнула губы, жаждающая получить еще божественной сладости и понимая, что лишняя капля сильной исцеляющей магии способна стать для ее смертного тела убийственной.

Узумэ повернулась к Широ.

– Твой черед, Инари.

Он упрямо сощурился, но отказаться не успел – богиня протолкнула лепесток меж его губ.

– Выплюнешь – и я заставлю тебя об этом пожалеть. – Угроза, произнесенная ее ласковым голосом, прозвучала странно. – Я приберегла его для тебя и не обрадуюсь, если он пропадет зря. Подержи на языке, пока не растает.

Широ неохотно подчинился. Разглядывая его, Узумэ нахмурилась и протянула руку к раненному лисьему уху. Он отдернул голову от ее ладони.

– Инари! – воскликнула богиня. – Ты ведешь себя глупо. Твоему уху нужно более тщательное исцеление. – Она поднялась. – Идем. Я о нем позабочусь.

Узумэ сделала пару шагов, а потом оглянулась – Широ продолжал сидеть рядом с Эми, крепко стиснув зубы.

– Пойдем, Инари. Мне еще не случалось видеть тебя столь робким. Пойдем!

Широ нахмурился, снова прижав уши.

Юмэй, стоя неподалеку, искоса глянул на него и пробормотал:

– Ты не моргнув глазом бросал вызов Сусаноо, но страшишься Узумэ?

Пронзив его взглядом, Широ встал и нехотя отправился за Узумэ. Несмотря на замечание Юмэя, Широ точно так же застывал и при первой встрече с Сусаноо. Что-то в столкновении с собратьями-куницуками выбивало его из равновесия. Их присутствие помогало ему что-то вспомнить? Амаэрасу, представ перед ним спустя век, явно всколыхнула тени его прошлого.

Эми посмотрела на Юмэя, который наблюдал за окружавшей их мерцающей разными оттенками стеной – барьером Узумэ, как она полагала. Эми с усилием оттолкнулась от земли и пересела на поваленное дерево.

– Юмэй? – она закусила губу. – Там, на постоялом дворе, ты... ты помнишь канашибари?

Он глянул на нее.

– Разумеется.

– Ты помнишь, о чем грезил?

– Да.

Эми сглотнула ком.

– Я... я тоже видела твой сон.

Юмэй, напрягшись, повернулся к ней.

– О чем ты?

– Я пыталась разбудить вас с Широ. – Эми поникла под тяжестью его пристального взгляда. – Канашибари, что сидела на тебе, коснулась меня и... и отправила в твой сон.

На лице Юмэя мелькнуло потрясение.

Эми сцепила пальцы.

– Могу я... могу я спросить, что случилось после того, как вы с Инари... поговорили?

Юмэй вновь отвернулся к цветному барьеру. Спина его была напряжена, руки – скреплены. Эми совсем упала духом, хотя и не удивилась, что он не пожелает отвечать. Зачем ему обсуждать столь личное воспоминание со смертной девчонкой?

– Я сделал ровно то, что повелел Инари.

Эми вскинула голову.

– Я распустил войска, уничтожил владения и отослал прочь дайтэнгу, – сухо продолжил Юмэй. – Затем я удалился в Цучи. По истечении десяти лет Изанаги низошел и, не сумев найти меня, открыл охоту на моих дайтэнгу. – Он дернул плечами, словно сдерживал желание развернуть крылья. – Я вернулся в земное царство.

– Чтобы отвлечь его от дайтэнгу? – Когда Юмэй кивнул, Эми едва слышно спросила: – Что случилось?

– Он меня убил.

Ее сердце пропустило удар.

Юмэй вновь дернул плечами, разжал и сжал правую ладонь, словно ему не хватало оружия.

– Я долго изматывал его погоней в надежде, что он растратит силы и потеряет интерес к моим военачальникам. Когда он все же меня настиг... Есть смерть, а есть уничтожение. Он меня уничтожил, нанеся столько урона, чтобы я никогда не возродился.

Эми охватил страх – даже несмотря на очевидное доказательство, что в своем стремлении Изанаги провалился.

– Но ты сумел.

– Со временем.

Юмэй отошел, двигаясь резко, беспокойно. Эми вновь сцепила руки, желая как-то его утешить, поддержать, и зная, что он не примет ни того, ни другого. Воцарилась тишина, которую нарушал лишь долетающий издали разговор Сусаноо и Узумэ.

Странный барьер куницуками леса безостановочно мерцал поразительной смесью цветов. Зрелище было красивым, но Эми почему-то становилось не по себе. Это место казалось ей противоестественным. Когда она очутилась здесь в прошлый раз, Узумэ держала ее в непонятном, сонном состоянии, чтобы уберечь разум смертной. Сейчас – нет. Неправильность этого места царапала подсознание, на грани слышимости то и дело звучал обманчивый шепот.

Юмэй, погруженный в размышления, не сводил глаз с барьера.

Эми потеряла заживающий ожог на груди.

– Юмэй, а нам не стоит... Юмэй? Юмэй?

Он посмотрел на нее, лишь когда она позвала его трижды.

– Что?

Оттолкнувшись от дерева, Эми приблизилась к нему на пару шагов. Нахмурилась, заметив его рассеянный взгляд.

– Ты в порядке?

Внимание Юмэя вновь сосредоточилось на барьере.

– Да.

– На что ты смотришь?

Когда он не ответил, Эми встала рядом с ним и позвала его по имени. Юмэй вновь не отреагировал, и она потянула его за рукав. Он рывком повернул голову.

– На что ты смотришь? – повторила Эми.

– Ни на что! – рявкнул Юмэй и отошел.

Несмотря на раздраженный ответ, его взгляд вновь устремился на барьер, словно Юмэй не мог сдержаться.

Эми нахмурилась сильнее, неспособная рассмотреть в бесконечном движении цветов ничего, кроме случайно мелькающих теней. Которых раньше там не было. Может, дело в том, что теперь они стояли к барьеру ближе?

– Юмэй, – обеспокоенно произнесла Эми, – давай вернемся к Узумэ и остальным?

Он, словно зачарованный, смотрел на барьер. Эми опять потянула его за рукав. Никакой реакции.

– Юмэй, – позвала она как можно настойчивее. – Хватит!

Его глаза расфокусировались, зрачки стали крошечными точками на фоне светлой радужки.

– Он меня зовет.

Эми, охваченная тревогой, крепче уцепилась за его рукав.

– Что тебя зовет?

Юмэй не ответил. Тени за барьером сгустились, увеличиваясь, приглушая собой мерцание красок. В памяти, больше похожей на сон, вдруг зазвучал тихий голос Узумэ: «Я не смею заводить его столь далеко, столь глубоко. Цучи любит своего темного принца и больше не выпустит».

В этом месте Юмэю грозила опасность – и барьер Узумэ не мог его защитить. По крайней мере, когда нечто на другой его стороне было так близко.

– Юмэй, пойдем со мной. Здесь опасно.

Эми потянула его за руку, но он не сдвинулся, зачарованный неслышными ей голосами. Она оглянулась, желая позвать кого-нибудь на помощь.

И не увидела ни Узумэ, ни остальных. Лишь мерцающую радугу.

– Узумэ! – крикнула Эми. – Широ! Сусаноо!

Никто не ответил, и она стиснула руку Юмэя, впиваясь ногтями в рукав косоде.

– Юмэй, нам нужно сейчас же вернуться.

– Не могу, – выдохнул он и, к ее ужасу, шагнул вперед.

– Можешь! – Эми вцепилась в него обеими руками и уперлась ногами в землю, но носки заскользили по траве. – Юмэй, стой!

Он неумолимо приближался к стене из кружащих цветов и теням, что сгущались за ней, и Эми закричала, пытаясь позвать Широ и Узумэ. Никто по-прежнему не отвечал. Никто не шел к ним на помощь. Сердце Эми бешено колотилось о ребра. Юмэю нельзя покидать пределы барьера – как и ей. Его нужно было остановить.

Когда до границы остались считанные футы, Эми преградила ему путь, уперлась ладонями в грудь и надавила изо всех сил, стараясь оттолкнуть его назад.

Юмэй остановился. Ее жалкие человеческие мышцы не могли его сдвинуть – но он остановился.

– Назад, – выдохнула Эми, продолжая давить. – Отойди назад, Юмэй.

Он не сводил глаз с барьера. Радуга цветов потемнела, тени прижимались к ней с той стороны, и внутрь вдруг просочились, словно чернильные пальцы, щупальца дыма.

– Юмэй!!! – завопила Эми, толкая что было сил.

Он переместил ногу, создавая больше упора, но ей удалось сдвинуть его на несколько дюймов. Эми толкнула его всем своим весом – и заставила сделать целый шаг. Сквозь ледяную панику пробилась надежда: она справится. Она уведет его от соблазнительной тьмы.

Тени беспокойно корчились. Внутри барьера проникли похожие на облачка завихрения, и черные щупальца резко вытянулись.

Они обогнули Эми, не коснувшись ее, и обвили запястья Юмэя. Он содрогнулся всем телом, и на его лице мелькнуло едва ли не эйфорическое вожеление. Его радужка разлилась, затапливая глаза сияющим серебром. Жуткие тени поползли вверх по его рукам, и он вновь шагнул к барьеру, толкая Эми спиной вперед и не замечая ее попыток его остановить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.